

Невеста для графа

Автор:

Кэролайн Линден

Невеста для графа

Кэролайн Линден

Греховное пари #2Очарование (АСТ)

Хью Деверо унаследовал от отца титул герцога Гастингса, а вместе с ним – и гигантские долги. Семье грозит разорение... Однако случается невозможное: богатый мещанин предлагает оплатить все фамильные долги, если Хью станет мужем его дочери. Единственное условие, прилагающееся к огромному приданому: девушка не должна узнать, что вступает в брак по расчету.

Наивная и добрая Элиза Кросс искренне уверена: Хью женился на ней по любви. Нет в мире новобрачной счастливее, нет молодой жены, любящей супруга нежнее. Но однажды мир ее рушится – молодая графиня случайно узнает, что стала лишь частью циничной сделки...

Кэролайн Линден

Невеста для графа

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Caroline Linden

AN EARL LIKE YOU

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© P.F. Belsley, 2018

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Эта талантливая писательница – настоящее открытие. Истории Кэролайн Линден не дадут нам скучать. Благородные герои, изящные героини, нешуточные страсти и, конечно, целый океан любви.

* * *

Всем, кто считал или считает себя невзрачным, заурядным и ничем не примечательным.

Вы неповторимы и прекрасны своей неповторимостью

Пролог

1817 год

Если отец Хью и научил чему-нибудь своего сына, так это сохранять хорошую мину при плохой игре.

К несчастью, о том, насколько плохи его дела, Хью узнал лишь после смерти своего родителя. Ничто, как говорится, не предвещало беды. Джошуа Деверо, шестой граф Гастингс, по всеобщему мнению, ходил у судьбы в любимчиках. Никакие козни врагов или происки злоумышленников не могли испортить ему настроение. Постоянно доброе расположение духа, прекрасно подвешенный язык и незлобивое остроумие снискали ему расположение и тех, кто был ему ровней, и тех, в чьем покровительстве он нуждался. Ему снисходительно прощали то, что не прощалось другим. Джошуа благоволили и стар, и млад. Легендарный бонвиван и весельчак, он сумел найти путь к сердцу своего сурового – самых строгих правил – деда и экономного (чтобы не сказать прижимистого) отца. В то время как его достойные предки, считавшие своим священным долгом преумножение семейного богатства, женились исключительно на наследницах с богатым приданым, Джошуа не только женился по любви на красивой бесприданнице, но и добился родительского благословения на этот брак. К тому же графский титул и родовые поместья вкупе со всем прочим богатством достались Джошуа в то время, когда он был еще молод, хорош собой и полон сил. В общем, Джошуа Гастингс не зря считался едва ли не самым удачливым наследником во всей Британской империи.

Хью, сын Джошуа, вырос с сознанием того, что ему очень повезло с отцом – повезло, как никому другому. У Хью, в отличие от большинства молодых людей его круга, были самые теплые отношения с родителями: и мать, и (что было очень большой редкостью) отец вплотную занимались его воспитанием. Хью был с рождения окружен родительской любовью. Его мать неизменно была добра и нежна с ним, но отец был еще и умен, отважен, ловок и никогда не выходил из себя. Если мать бранила Хью за шалости, нередко заливаясь при этом слезами, то отец, лишь похлопав сына по плечу, уводил его погулять по живописным окрестностям. «Что сделано, то сделано, – говорил Джошуа. – Что толку себя

казнить? Выше нос – и вперед».

Лишь после смерти отца Хью открылась горькая истина: добродушие и добродетель отнюдь не одно и то же. Джошуа очень любил свою жену и детей и ни в чем им не отказывал. Джошуа и себя ни в чем не ограничивал и не учил разумной экономии своих домочадцев. Хью воспринимал как должное то, что в будущем он станет хозяином обширных поместий, но Джошуа не считал нужным учить сына вести грассбух, сводить дебет с кредитом – и даже ни разу не показал, как это делается. Все знали, что граф не отличается бережливостью, не осуждая, впрочем, его за мотовство, но об истинном – и весьма плачевном – положении вещей стало известно лишь после его смерти в возрасте пятидесяти восьми лет от несварения желудка, если верить заключению домашнего доктора.

Однако же, как два дня спустя заключил Хью, в могилу отца свело скорее чувство вины. Джошуа, в отличие от своего отца, деда, прадеда и прочих предков, накапливавших богатство, довольствуясь малым, умел лишь тратить накопленное. И он, увы, промотал все – включая приданое дочерей и вдовью долю наследства. Джошуа не только не предпринял ровным счетом ничего, чтобы сохранить доставшееся ему богатство, но и щедро одаривал всех своих друзей, давал займы без расписок, не требуя возврата, приобретал произведения искусства, не озадачиваясь их подлинностью, а также делал баснословные ставки на бегах и за карточным столом. И так продолжалось до тех пор, пока от одного из самых больших состояний в Британии не осталось ровным счетом ничего. О том, что шестой граф Гастингс банкрот, не знала ни одна душа.

– Хорошая новость состоит в том, милорд, что проценты по кредитам не слишком высоки, – добавил поверенный в делах отца. Слабое утешение, однако!

Сжатые в кулаки пальцы Хью успели онеметь за тот час, что мистер Сойер, поверенный отца, вводил его в курс дела.

– Выходит, я владею роскошным поместьем, но на его содержание у меня нет ни фартинга? – пробормотал Хью.

– Сказано весьма резко, но, по сути, так оно и есть, – немного поколебавшись, ответил мистер Сойер.

Хью разжал кулаки и, растопылив пальцы, уперся ладонями в стол – в прекрасный стол, сработанный скорее всего самим Томасом Чиппендейлом по заказу деда Хью, пятого графа Гастингса. Дед старался приобретать вещи только высшего качества. Хью страшно хотелось выругаться, но он лишь спросил:

– Какая часть поместья является майоратной?

– Все ваше поместье целиком и полностью заповедное, – повеселев, сообщил поверенный. – А все документы, подтверждающие ограничительные условия наследования, в полном порядке.

– Из чего следует, что я не могу ни пяди своей земли продать, – со вздохом заметил Хью.

Мистер Сойер замялся и промычал нечто невразумительное, но тут же с оптимизмом добавил:

– Зато вы молоды, полны сил и, уж простите за откровенность, хороши собой. В нашей стране найдется немало богатых невест, которые сочтут за счастье...

Хью резко встал, едва не перевернув стул, на котором сидел (тоже, кстати, сработанный легендарным Чиппендейлом).

– Иными словами, – процедил он сквозь зубы, – я должен делать то, чего никогда не делал мой отец: экономить каждый шиллинг и жениться на деньгах.

– Это было бы весьма разумно, сэр, – деликатно кашлянув, согласился поверенный.

– Вон! – крикнул Хью, указав мистеру Сойеру на дверь. – Пошел вон!

Мистер Сойер в недоумении заморгал и стал поспешно собирать разложенные на столе документы.

– Да, милорд. Конечно, милорд, – пробормотал он. – Всегда к вашим услугам. Как только вы...

– Вы уволены. Больше сюда не приходите.

Мистер Сойер побелел, но спорить не стал. Хью же, вне себя от ярости, смотрел ему вслед. Сойер знал – не мог не знать! – что покойный граф тратил куда больше, чем мог себе позволить. Знал, но не думал его останавливать! Он мог хотя бы предупредить Хью о том, что происходило, но не сделал и этого.

А знала ли об их бедственном положении мать? Графиня пребывала в глубоком трауре. Каждый день она проливала слезы по покойному мужу, из-за чего глаза ее постоянно были воспалены. Родители Хью были на редкость счастливы вместе, и теперь, вспоминая, как ласково подшучивал над матерью отец и с каким обожанием она смотрела на Джошуа, Хью понял, что у него, возможно, не хватит духу рассказать матери о том, что ее покойный супруг, по сути, предал их всех – и ее, и дочерей, и сына. Впрочем, при всей своей преступной беспечности, Джошуа не был злонамеренным негодяем – он действительно любил свою жену, потому не хотел ее огорчать. Следовательно, именно эта «приятная» задача теперь стояла перед Хью.

Бедная графиня! Что будет с ней, когда она узнает, что лишилась не только любимого мужчины, счастья всей ее жизни, но и стабильности, и достатка, и, возможно – даже крыши над головой, потому что на те средства, что оставил отец, невозможно содержать родовое поместье Гастингс. О доходах с поместья и речи не шло: отец не только годами растрачивал деньги, но и палец о палец не ударил для того, чтобы принадлежавшие ему земли приносили прибыль. Поместье радовало глаз просторными зелеными газонами, ухоженными парками с лабиринтами из живой изгороди, прудами с лилиями и нарядными беседками. Ни скучных пастбищ, ни ячменных полей, ни, конечно, уродливых угольных шахт. Ничего, что могло бы принести хоть какой-то доход. Когда Хью спросил у отца, почему соседние поместья выглядят совсем не так, как Гастингс, Джошуа со смехом сказал:

– Но нам-то скучно кататься верхом вокруг пшеничных полей! И все эти фермы так безобразны!..

Хью тогда не только удовлетворился таким ответом, но еще и почувствовал гордость за отца, обладавшего отменным вкусом. И сам Хью тоже с удовольствием любовался окрестностями, катаясь верхом по не тронутым плугом просторам, покрытым цветущим вереском.

Гастингс ждали большие перемены, назревшие уже давно. Однако же... Чтобы сделать поместье доходным, следовало вложить в него немалые средства, которых у Хью не было.

Стук в дверь отвлек его от невеселых раздумий. Не дожидаясь ответа, в комнату проскользнула Эдит, сестра Хью, и спросила:

– Вы закончили? Я видела, как уходил мистер Сойер.

– Да, он ушел, – со вздохом сказал Хью, и добавил про себя: «И черт бы с ним».

Эдит подбежала к брату и, участливо заглядывая в глаза, прикоснулась к его плечу.

– Он и в самом деле такой мерзкий?

– А разве все они, нотариусы, не одним миром мазаны?

Эдит рассмеялась, но тут же, спохватившись, погрузилась и пробормотала:

– Как жаль, что папа умер...

– Да, жаль. – Хью обнял сестру и поцеловал в макушку.

Эдит была красивой миниатюрной девушкой – такой же хрупкой, как мать. Как воспримет Эдит весть о том, что они разорены? Наверное, и отец, задаваясь тем же вопросом, посчитал, что должен оградить их от суровой правды жизни. И Хью решил поступить так же. «Пусть пока поживет в счастливом неведении», – сказал он себе.

Если бы отец не умер, что было бы с ними? Хью со вздохом прикрыл глаза. Ответ очевиден: имение было бы перезаложено, и долги стали бы совсем уж неподъемными. Протяни отец еще лет пять или десять, и он, Хью, оказался бы в куда худшем положении, чем сейчас. И, так же как и сейчас, неожиданно-негаданно...

– Мама вот уже час как плачет перед портретом отца, – тихо сказала Эдит. – Мы можем как-нибудь ее отвлечь? Может, поедem в Розмари?

Розмари, поместье в Корнуолле с его пасторальными пейзажами и тихой неброской красотой, безусловно, могло бы исцелить графиню от тоски и боли. Розмари было любимым поместьем отца, которое он когда-то перестроил – за сумасшедшие деньги – и назвал в честь матери Хью. Если графиня и могла где-то обрести покой, то только там.

Но на содержание Розмари требовалась огромная сумма. Мистер Соьер ознакомил Хью со счетами, выставленными за прошлый год, и у Хью волосы встали дыбом. Лучшее, что можно было сделать в такой ситуации, – это заколотить двери и окна дома, оставив особняк пустовать до лучших времен (пока не найдутся арендаторы), а самим поселиться там, где расходы поменьше.

По иронии судьбы этим самым экономным местом оказался их лондонский дом. Отец не любил Лондон, и потому Гастингс-Хаус возле площади Сент-Джеймс являлся сравнительно скромным жильем. Последние несколько лет его сдавали внаем, но сейчас он, к счастью, пустовал. Отправляться во время траура в Лондон не хотелось никому из них, но обе сестры Хью уже почти вошли в брачный возраст и были готовы к первому выходу в свет, если, конечно, Хью сможет обеспечить им достойный дебют. Если Эдит и Генриетта удачно выйдут замуж, их брату не придется волноваться за будущее сестер – одна гора с плеч. Разумеется, чтобы это стало возможным, придется скрыть от окружающих истинное финансовое положение семьи, а сделать это будет очень непросто.

Но имелся и еще один довод в пользу Лондона – весьма важный, если не решающий. Хью получил типичное аристократическое воспитание – то есть не имел никаких практических навыков. Правда, он отлично разбирался в карточных играх, однако, в отличие от отца, не был азартным игроком. Если трудиться аристократу не позволяли приличия, то в карты играть не только не возбранялось, но даже предписывалось, так что Хью, делая скромные ставки, вполне мог бы несколько поправить финансовое положение своей семьи. Игорных заведений в Лондоне было более чем достаточно, и Хью подумал, что мог бы с помощью игры продержаться на плаву свою семью хотя бы до той поры, пока он не женится на богатой наследнице. А жениться по расчету придется так или иначе – отец не оставил ему выбора. Даже если продать всю мебель и все картины, надолго вырученных денег не хватит. Он должен найти богатую невесту – чем богаче, тем лучше. А где искать такую, если не в Лондоне?

– Нет, сестренка, в Розмари мы не поедem. Мы едем в Лондон, – решил Хью.

Глава 1

Гринвич, 1819 год

Элизабет Кросс с раннего детства воспитывалась как будущая леди и хозяйка дома. Мать ее умерла, когда Элизабет было три года. Умерла, рожая дочери братика, которого та так просила. Через неделю после смерти Сюзанны Кросс умер и ее крошечный сын, которого Элизабет нарекла Флопси. Повзрослев, она узнала, что мальчика на самом деле назвали Фредерик – в честь деда, но тогда девочка оплакивала Флопси и маму (и тогда же она отдала мертвому братику свою самую любимую игрушку, и его похоронили вместе с ней). С тех самых пор их было только двое – Элиза и папа.

Папа был, как правило, очень занят, но главным смыслом его жизни всегда была и оставалась дочка. Он хотел, чтобы она получала все самое лучшее, и делал для этого все, что мог: только бы Элиза научилась всему тому важному и необходимому, чему ее могла бы научить мать.

«Ты должна быть настоящей леди – как твоя матушка», – постоянно повторял он, хотя покойная миссис Кросс была всего лишь дочерью баронета, поэтому не могла считаться урожденной леди.

В детстве Элиза все время боялась ударить в грязь лицом; когда же она в тревоге спрашивала у отца, удастся ли ей превращение в настоящую леди, отец неизменно отвечал, что она молодец и все делает правильно.

Элиза училась всему старательно: сначала – у гувернантки, потом – у учителей в академии миссис Эптон для юных леди, а затем – у своей компаньонки, перед которой отец поставил задачу ввести Элизабет в высшее общество. К девятнадцати годам у нее не осталось сомнений: в том, что касается составления букетов, меню или выбора нарядов, она может дать фору любой герцогине. И разливать чай она умела ловко, как никто другой.

Но при этом Элизабет нисколько не сомневалась в том, что лондонское высшее общество, которое так стремился впечатлить ее отец, никогда не будет считать ее своей. Отец нажил свое баснословное состояние на военных заказах – Британский флот остро нуждался в пеньке, железе и свинце, и Кросс держал нос по ветру и не упускал удачу, плывущую ему прямо в руки. Элизабет была богатой наследницей, и именно это – вкупе с немалым приданым – поднимало ее в глазах потенциальных женихов; что же касается всех прочих ее достоинств, то они, по мнению девушки, не очень-то интересовали мужчин.

Для того чтобы привлечь жениха из числа титулованных аристократов, брак с которым поднял бы ее до тех высот, о каких мечтал отец, были необходимы три вещи – красота, связи и деньги. Элиза понимала, что не красавица, и никаких связей в аристократических кругах у нее не было. Зато деньги-то у нее имелись, так что Элизабет точно знала: даже если она так и не выйдет замуж и не посетит ни один бал, у нее всегда будет самое главное: крыша над головой, еда и возможность достойно содержать свою собаку.

Собака считалась даже важнее, чем все остальное. Вилли был еще щенком, когда Элиза нашла его, возвращаясь пешком из деревни. Он был тогда крохотным черно-белым меховым комочком, что прятался под кустом форзиции, но стоило Элизе опуститься на колени и протянуть к нему руку, как он потянулся к ней, ткнулся мордочкой в ее ладонь и в блаженстве зажмурился, когда она его погладила. Элиза тотчас влюбилась в щенка, когда несла домой, придумывала для него наиболее подходящее имя.

Но отец был не в восторге от ее находки и лишь единожды взглянув на щенка, пренебрежительно бросил:

– Дворянча.

– Он еще совсем крошка и такой... милый, – сказала Элиза.

Щенок ритмично забил хвостом и устроился поудобнее у нее на руках. А она поцеловала его в лоб и улыбнулась.

– А что, если его будут искать? – пробурчал Кросс.

– Никто за ним не придет. Он ждал меня, – ответила Элиза и, не дожидаясь разрешения отца, вышла из комнаты со щенком на руках.

Когда ее позвали на ужин, найденыш был уже вымыт, накормлен и обеспечен мягким местом в плетеной корзине в спальне хозяйки, рядом с ее кроватью.

Элиза с детства привыкла вести домашнее хозяйство, стараясь обустроить их с отцом быт как можно лучше. Но она научилась руководить не только слугами – отец предпочитал не перечить ей, и Элиза почти всегда добивалась от него всего, чего хотела. Вилли поселился в их доме, и отец ни разу не обмолвился о том, что хотел бы от него избавиться.

С появлением в доме щенка Элизе зажилось лучше прежнего. Отец часто уезжал из дома по работе – и не только. Он был все еще довольно молод и крепок, и Элиза знала, что у него есть женщина на содержании. Впрочем, ее это вполне устраивало. В такие дни она становилась полноправной хозяйкой в доме и была абсолютно свободна в своих действиях. Каждые две недели Элиза ездила в Лондон за покупками и для того, чтобы попить чаю со своими лучшими подругами – леди Джорджианой Лукас и Софи Кэмпбелл, которых знала еще со времен учебы в академии миссис Эптон. В другие дни она подолгу гуляла с Вилли, навещала библиотеку в Гринвиче, а также участвовала в делах церковной общины – с женой викария навещала заболевших прихожан. И, конечно же, много счастливых часов она проводила в саду, ухаживая за посадками.

Все в ее жизни было хорошо, кроме одной детали... Если Элизабет в глубине души уже смирилась с тем, что замуж она никогда не выйдет и когда-нибудь станет похожей на одну из знакомых ей чудаковатых богатых дам, что выходили на прогулку с целым выводком обожаемых ими комнатных собачек, ее отца такая перспектива совсем не устраивала.

– Мне казалось, что комнатных собак заводят только замужние леди, – как-то за завтраком заметил отец.

– Неужели? – Вилли послушно лежал у ног Элизабет; он был очень воспитанным псом, когда знал, что его наградят чем-то вкусненьким. Элизе нравилось поощрять хорошее поведение песика. Незаметно подбросив своему любимцу кусочек бекона, Элиза с улыбкой добавила: – Знаешь, перед тем как прыгнуть ко

мне на руки, Вилли не спросил, замужем ли я. Так что позволь с тобой не согласиться.

– Леди должна танцевать с джентльменами, а не скармливать свой завтрак псу.

Закатив глаза, Элиза бросила Вилли второй лакомый кусочек.

– Следовательно, мое поведение еще раз доказывает, что я не леди, – заявила девушка.

– Но ты могла бы ею стать. Более того, ты должна ею стать, – пробурчал мистер Кросс и, насупившись, стал сосредоточенно жевать. Такое выражение лица у него бывало, когда он брался за решение какой-то серьезной задачи. – Если бы ты только...

– Папа, прекрати, – перебила Элизабет, опустив чашку на блюдце.

Отец ответил ей хмурым взглядом, но дальше муссировать эту тему не стал. Вилли же, полакомившись беконом, принялся кружить под столом, обнюхивая пол.

– Мне кажется, мы договорились о том, что твой барбос будет жить во дворе, – сказал Кросс.

– Но на улице дождь, – веско заметила Элиза и, указав на корзинку с подстилкой в углу комнаты, скомандовала: – Вилли, место.

Песик печально опустил уши и поднял на хозяйку грустные глаза. Но девушка продолжала указывать пальцем на корзину, и Вилли покорно поплелся на свое место. Забравшись внутрь, он положил голову на борт корзины, устремив на Элизу тоскливый взгляд.

– Знаешь, папа... – сказала Элиза, и Вилли тут же наострил уши. – Папа, не дразни его, пожалуйста.

– Я и не дразню. Я бы его выбросил, будь на то моя воля, – добавил мистер Кросс.

Элиза неодобрительно покачала головой, но предпочла сменить тему.

– Софи пригласила меня и Джорджиану на чай послезавтра, – сказала она. Подруги встречались регулярно, но Элиза все равно решила напомнить отцу о том, что уедет в Лондон. – А миссис Рив прислала записку, в которой сообщила, что они с мистером Ривом все же не смогут поужинать с нами завтра.

– Хорошие новости. Очень приятно, – с радостной улыбкой сказал отец.

– Миссис Рив – добрейшая дама, – заметила Элиза и подлила отцу кофе и сливок – ровно в той пропорции, что он любил. – Стоит тебе сделать пожертвование – и мистер Рив перестанет тебя допекать.

– Когда мистер Рив научится управляться с проповедью меньше чем за час, я дам ему денег, – пробурчал отец.

– Тогда надо быть готовым к тому, что мистер Рив не изменит к тебе отношение.

– Я не считаю, что церковь нуждается в золоченых канделябрах и мраморном алтаре. И мы еще посмотрим, кто кого, – добавил Эдвард Кросс, допив вторую чашку кофе. – Да, чуть не забыл... Сегодня я встречаюсь с Саутбриджем и Гринвилем. Вернусь поздно.

– Не проигрывай слишком много, – назидательно сказала Элизабет.

Она знала, что Саутбридж и Гринвил – партнеры отца не только по бизнесу. А поскольку азарта было не занимать всем троим, то играли они порой крайне рискованно, особенно – в состоянии подпития.

– Не хватало, чтобы меня поучала девчонка, всю свою жизнь посвятившая служению косматому барбосу.

– Кстати, о космах... – нисколько не обидевшись, заметила Элиза. – Ты стал выглядеть намного опрятнее, когда позволил Джексону подровнять тебе волосы.

– Возмутительная наглость! И за что только Господь дал мне такую умную дочку?

– А кто бы еще мог бы тебя терпеть, если не я? – просияв, ответила Элизабет.

– Лучше бы ты мужа терпела, – прищурившись, проворчал Эдвард Кросс.

– Не думаю, что мне бы хватило терпения на мужа, – невозмутимо ответила Элиза. – Я не смогла бы жить под одной крышей ни с одним из моих бывших ухажеров. Мне не импонируют ни охотники за приданым, ни круглые дураки, а иных среди них и не было.

Эдвард Кросс, поморщившись, встал из-за стола.

– Тебе ни к чему выходить за умного! Твоих мозгов хватит на двоих. А денег и на пятерых хватит с избытком.

– Да-да, знаю. – Придав лицу мечтательное выражение, Элиза добавила: – Наверняка где-то живет неженатый виконт или баронет – туповатый и без гроша в кармане, то есть такой, который, возможно, захочет взять меня в жены.

Кросс улыбнулся.

– Я не это имел в виду.

Элизабет с деланным недоумением наморщила нос, и ее отец, не выдержав, рассмеялся.

– Я люблю тебя, Лилибет, – сказал он, назвав дочку ее детским прозвищем, и чмокнул в лоб.

– А я люблю тебя, папа, хоть ты и мечтаешь поскорее от меня избавиться, – ответила Элиза, с неподдельной любовью глядя на отца и широко улыбаясь.

– Говоришь, избавиться?.. – буркнул отец. – Как будто есть что-то плохое в том, что я хочу, чтобы моя дочь зажила в своем доме, собственной семьей. Поделом мне, верно? – добавил Кросс, обращаясь к Вилли, и тот твякнул в знак согласия. – Она меня по рукам и ногам вяжет моими же словами.

– Просто хочу, чтобы ты знал, что я вполне счастлива, – сказала Элиза. – И даже если никогда не выйду за красивого, туповатого и обнищавшего баронета, то все равно буду счастлива с тобой и с Вилли.

– А если попадется не круглый дурак?.. Тогда ты согласишься бы за него выйти?

Элизабет закатила глаза. У отца сегодня с утра был на редкость боевой настрой.

– Ты говоришь, что счастлива, – но разве тебе не будет обидно, когда твои подруги выйдут замуж и обзаведутся собственными семьями? – продолжал отец. – Я слышал, что Джорджиана все-таки добилась своего: Стерлинг берет ее в жены следующей весной. Что, если у нее больше не будет времени на то, чтобы распивать с тобой чай и ходить по магазинам?

Элиза с невозмутимым видом намазала масло на хлеб. Она уже думала об этом. Джорджиана вот уже два года как была обручена с виконтом Стерлингом, но свадьба откладывалась из-за брата Джорджианы графа Уэйкфилда, мрачного и угрюмого типа, который никак не мог договориться со Стерлингом по поводу условий брачного договора. Иногда даже создавалось впечатление, что Джорджиана навечно останется невестой.

Улыбнувшись, Элиза ответила:

– Я буду очень за нее рада. Ведь она так давно любит своего жениха...

– И тебе пора в кого-нибудь влюбиться! Будь сейчас здесь твоя мать, она бы тоже так сказала.

– Мама не захотела бы, чтобы я вышла за кого попало – лишь бы выйти, – возразила Элиза. – И я надеюсь, что и ты того же мнения.

Кросс шумно выдохнул.

– Конечно, я не хочу, чтобы ты вышла за какого-нибудь проходимца. Но я не хочу, чтобы ты ставила на себе крест. И я уверен: непременно найдется хоть один порядочный парень с титулом, способный оценить тебя по достоинству и понять, что перед ним – бриллиант чистой воды.

Элиза молча жевала хлеб с маслом. Ей подумалось, что потенциальному жениху придется очень пристально ее разглядывать, чтобы увидеть в ней «бриллиант», а по опыту общения с благородными джентльменами она знала: ни один из них не удостоил ее вторым взглядом. Как, впрочем, и джентльмены без титулов. Элиза старалась не думать об этом, чтобы не портить себе настроение, но факт оставался фактом: даже при наличии богатого приданого, элегантного гардероба и всех тех умений, что положено иметь благородной леди, мужчины, к какому бы классу они ни принадлежали, редко задерживали на ней взгляд. Элиза не тешила себя иллюзиями – красавицей она не была, к тому же предпочитала держаться в тени. Но Элизабет сама была свидетельницей того, что леди Сара Уиллингом, дочь герцога Джарроса, тихая, застенчивая и к тому же косоглазая, пользовалась успехом у представителей сильного пола.

– Может, и найдется когда-нибудь, – согласилась Элиза, чтобы успокоить отца.

Эдвард Кросс удовлетворенно кивнул и с уверенностью заявил:

– Найдется непременно. Вопрос лишь в том, согласится ли он взять еще и собаку.

– Если он не примет Вилли, я не приму его. Даже и говорить не стану с тем, кому не понравится Вилли.

– Чертов барбос, – проворчал Кросс, направляясь к двери.

Между тем Элиза заметила, как Вилли поймал брошенный ее отцом под стол ломтик бекона. Завиляв хвостом, пес пролаял один раз, что на собачьем языке означало «спасибо». Но Кросс, уходя, даже не взглянул на Вилли.

– Ты ужасно избалован, – укоризненно посмотрев на своего питомца, сказала Элиза, доедая хлеб с маслом.

Вилли тихонько завыл в знак раскаяния.

– И в наказание ты пойдешь в сад без меня. Джеймс, вы не могли бы его выпустить? – попросила Элиза, встав из-за стола.

– Да, мисс, – сказал стоявший у двери лакей.

Подозвав Вилли, он щелкнул пальцами. Пес понурился и поплелся за Джеймсом, с упреком взглянув на хозяйку.

«Когда же папа поймет, что дочь его не из тех девиц, которые нравятся джентльменам?» – со вздохом подумала Элиза. Отец считал ее красавицей, но так думал только он один. Да, случается порой, что и невзрачные девушки производят фурор в обществе, но недостатки во внешних данных у них с лихвой восполняются обаянием, живостью и блистательным умом. А у нее в присутствии импозантных незнакомцев отнимался язык и отключались мозги. Отец, конечно же, надеялся впечатлить потенциальных женихов величиной приданого, но Элиза предпочла бы остаться старой девой, чье одиночество скрашивают верные псы, чем жить с мужем, которому нужны лишь ее деньги.

Так что если отец верил в осуществимость своей мечты, то Элиза была настроена более чем скептически. Возможно, однажды ей доведется встретить приветливого провинциального джентльмена, которому, в отличие от столичных джентльменов, нужна не блистательная светская львица, а тихая и скромная супруга, которая с радостью будет играть со своей собакой и возиться в саду, не требуя ничего большего. Ну а если ей не суждено встретить такого мужчину – ничего страшного: ее и сейчас все вполне устраивало.

Глава 2

В этот вечер Хью Деверо улыбалась удача.

Наконец-то терпение его было вознаграждено! А до этого... Вот уже две недели кряду ему ни разу не удалось сорвать куш. Не изменяя своим правилам, Хью играл расчетливо, не пил и не поддавался азарту, поэтому проигрывал не больше того, что выигрывал. Но играл он не для удовольствия, и потому предыдущие две недели за карточным столом прошли для него впустую.

Решение переехать с семьей в Лондон, похоже, оказалось правильным (судя по тому, как всем им жилось в столице эти полтора года). Благодаря картам Хью удалось расплатиться с самыми настойчивыми кредиторами, отчасти привести в порядок лондонский дом и даже приобрести кое-какие наряды матери и сестрам. К несчастью, теперь ему требовалось куда больше денег, чем было

потрачено. Эдит выросла, не за горами был ее первый сезон, и ей требовалось приданое.

Поначалу Хью рассчитывал дать ей в приданое землю, но как ни старался найти лазейку в законах, к каким бы юристам ни обращался – вывод оказался однозначным: он не имел права передать причитавшуюся ему как графу недвижимость ни одной из сестер. Конечно, он мог бы еще раз перезаложить свое поместье, но тогда все стало бы еще сложнее... Хью уже продал кое-что из купленных отцом произведений искусства, и каждую из проданных вещей его мать оплакивала по несколько дней и ночей, донимая сына подробными рассказами о том, при каких именно обстоятельствах отец приобрел ту или иную вещицу и сколько она, эта вещица, доставляла радости ей и ее покойному супругу. Мать Хью после смерти мужа сделалась донельзя сентиментальной и эмоционально неустойчивой. За завтраком она, бывало, уверяла сына, что понимала, зачем он многое продает, но потом, когда из дома увозили очередную вещь, заливалась слезами, горестно рыдая.

Хью уже давно осознал, что не найдет в семье поддержки и понимания. Переезд в столицу тяжело дался графине, вынужденной покинуть могилу покойного супруга и поместье, где все было устроено по ее вкусу, и поселиться в обветшавшем и неухоженном лондонском доме. Хью сказал, что они переезжают потому, что Эдит предстоит выход в свет. Мать не стала возражать, но всем своим видом постоянно давала ему понять, как ей здесь плохо. А сестры вели себя не лучше. Эдит только и делала, что сокрушалась о том, что ее никто не учит, как принимать и развлекать гостей; Генриетта же выпрашивала новые наряды, чтобы ни в чем не отставать от сестры. Хью уже начал задумываться о том, не податься ли ему во флот. Не исключено, что там бы ему жилось лучше во всех отношениях.

Но Хью был не из тех, кто ищет легких путей. Как бы ни было тяжело, он выкарабкается и вытащит свою семью из долговой ямы. Все, что для этого нужно, – чуть-чуть удачи: возможно, несколько больше, чем чуть-чуть.

Его любимым игорным заведением стал клуб «Вега», расположенный в самом центре Лондона. Место оказалось вполне приличное, что немаловажно, поскольку, играя здесь, можно было не опасаться, что по дороге домой тебе воткнут нож в спину. Хозяин клуба находился как раз на своем месте – господин крутого нрава, но вполне честный и справедливый. К членам клуба предъявлялось всего два требования, но эти заповеди следовало соблюдать

неукоснительно: если хочешь жить долго – никому не рассказывай о заведении, а в случае проигрыша расплачивайся немедленно.

Соблюдение второй заповеди порой давалось Хью с трудом, но что касается первой – с этим никаких проблем у него не возникало: ведь от того, что заведение находилось на нелегальном положении, он только выиграл. Прежде, до «Веги», слухи о том, что он играет по-крупному, часто весьма преувеличенные, доходили до его матери, и она, заламывая руки, устраивала истерики по поводу распущенности и безответственности своего непутевого сына.

Со смерти отца прошло уже полтора года, а Хью так и не решился открыть ей глаза на то, в каком бедственном положении они все оказались из-за покойного графа. Хотя... Если счастливая звезда посветит ему еще две-три ночи подряд, положение их будет уже не таким бедственным.

Этой ночью Хью стал богаче почти на девять тысяч фунтов. За одним с ним столом играли как господа благородного происхождения, так и те, чье сомнительное происхождение с лихвой окупалось внушительным состоянием. Хью предпочитал играть с безродными нуворишами. Их самолюбие тешило уже то, что они сидят за одним столом с графом, и, в отличие от джентльменов, они с готовностью платили по долгам и не пытались выклянчить отсрочку. Кроме того, сегодня все эти безродные богачи были крепко навеселе и при этом продолжали пить.

Кто-то скажет, что обыгрывать вдребезги пьяных соперников неприлично и даже подло, но Хью так не считал. Они не были сильно пьяны, когда пригласили графа за свой стол, и не он заказывал им бутылку за бутылкой во время игры. Зеленых юнцов среди них не оказалось, и Хью из достоверных источников было известно, что каждый из них имел тысяч по пятьсот фунтов, так что проигрыш в несколько тысяч едва ли можно назвать ощутимой потерей для любого из них. По правде сказать, Хью рассчитывал выиграть у них сегодня еще хотя бы тысяч пять.

Начали они с розыгрыша «мушки» – по пять карт на человека. В этой игре важно не терять голову и не лезть на рожон. Хью об этом помнил и, если карты не сулили взятку, говорил «пас». Азартные партнеры по игре подтрунивали над его расчетливостью, впрочем – не злобно, а Хью добродушно отшучивался. Он не раз видел, до какого отчаяния может довести рискованная игра незадачливого юнца

или даму (следует заметить, что проигравшихся в пух и прах женщин Хью встречал только здесь, в «Веге»). Но Хью-то проигрывать не собирался – не для того сюда приходил.

Шло время, и картежникам захотелось более острых ощущений, чем могла дать «мушка», – даже если стоимость взятки поднималась раз в пять.

– Что мы все ходим вокруг да около? – перетасовав карты, пробурчал Роберт Гринвил. – Предлагаю игру на повышение.

– До какого предела? – побледнев, спросил Уильям Харкер, младший сын виконта Эллери, нервно переводя взгляд с одного игрока на другого.

– Как угодно высоко. Верхний предел устанавливать не будем, – предложил Гринвил.

– Я не могу играть на таких условиях, – сгорая от стыда, пробормотал Харкер, и его признание было встречено дружным смехом некоторых из участников игры.

– Возвращайся, когда подрастешь, – насмешливо бросил один из игроков, и Харкер, которому уже стукнуло тридцать, хоть и поджал губы от обиды, но все же встал, собрал свои расписки и ушел.

Хью искренне восхищался поступком Харкера, четко понимавшего, что он может себе позволить и чего не может, и не изменявшего своим принципам. Возможно, Хью стоило последовать похвальному примеру. Но, с другой стороны, выигрыш его был достаточно велик, чтобы чувствовать себя вполне уверенно. Восемь тысяч восемьсот восемьдесят фунтов – немалые деньги, и без верхнего лимита ставок он мог бы запросто утроить эту сумму. Тогда хватит не только на приданое Эдит, но и на приданое Генриетте. И еще даже кое-что останется на выкуп из залога родового поместья.

Хью остался в игре.

Вскоре Джордж Алдертон, уже сильно пьяный, недобрал взятку и получил ремиз, равный «банку», который теперь уже составлял три тысячи фунтов. Хью принял причитавшуюся ему долю выигрыша – почти восемьсот фунтов – с

беззаботной усмешкой и при этом отпустил скабрезную шутку в адрес Алдертона, которую встретили дружным хохотом. При следующей раздаче каждый взял столько взяток, сколько заказывал. Потом последовала еще одна раздача без сюрпризов, за ней – еще одна. В результате «банк» достиг восьми тысяч фунтов, и Хью мысленно приказал себе играть особенно осторожно, хотя, по правде говоря, ему только и оставалось, что пасовать: ни одного туза, да и козырей почти не было.

Но потом... Случилось то, что случилось. Хью и сам не понял, как это произошло. Теперь на руках у него были вполне достойные карты – два марьяжа с тузами, – и он просто не мог остаться без взяток. Однако же взятки одна за другой уходили другим игрокам. Даже козырная дама не сыграла: попала под короля, что оказался на руках у Гринвила, – а Хью остался ни с чем.

На мгновение у него потемнело в глазах. Из-за шума в ушах он ничего не слышал. Он ошибся всего лишь раз, и эта ошибка стоила ему всего выигранного за вечер.

Алдертон хлопнул ладонью по столу и радостно воскликнул:

– Наконец-то! А я уже подумал, что он заговоренный!

Гринвил налил себе вина, поднял бокал, и не скрывая злорадства, объявил:

– Пью за графа Гастингса! И еще выпью за его денежки, которые мы с удовольствием заберем.

Каким-то чудом Хью заставил себя улыбнуться. «Выше нос и не ударь в грязь лицом», – мысленно приказал он себе и, покачав головой, подвинул почти все свои расписки на середину стола. Приданое Эдит уплыло из рук.

– Надо было вволю угоститься кларетом Алдертона, – изображая беспечность, заявил он. – Проклятая трезвость меня сгубила.

Гринвил подавился смешком. Алдертон же швырнул ему бутылку. Хью ловко поймал ее и, преодолевая отвращение, налил себе бокал вина. Сегодняшний вечер пропал даром, но Хью понимал, что ему придется еще не раз сесть за

игровой стол с этими господами. Завтра он снова придет сюда. Ведь только здесь играли те, кто запросто мог позволить себе проиграть за раз ту сумму, которую ему надлежало выиграть. И потому Хью, раскланявшись с партнерами, ушел, зажав в руке бутылку.

Хью был в ярости. Где же он ошибся? Изображая пьяного, он шаткой походкой направлялся к выходу, мысленно проигрывая злосчастный кон еще раз. Нет, он все делал правильно, просто карты легли самым неудачным для него образом. Шансы такого расклада ничтожно малы, но удача – дама капризная.

Хью приложил все силы к тому, чтобы ничем не выдать своего гнева. Все, что ему требовалось, – это выиграть еще раз. Только один раз. Если бы у Гринвила была козырная дама, а не король, то в проигрыше оказался бы Гринвил, а у Хью, в кармане лежали бы тринадцать тысяч фунтов – более чем достаточно для приданого Эдит, – а сейчас его выигрыш составлял всего-то двести фунтов.

– Тяжелая потеря... – слышался голос у него за спиной, и Хью, очнувшись, обнаружил, что стоит в дверях, загораживая проход.

Пробормотав извинения, граф поспешил посторониться, но незнакомец не торопился покидать клуб: он смотрел на молодого человека с сочувствием и даже с некоторым интересом.

– Гринвил – хитрый ублюдок, – без обиняков заявил незнакомец.

– Неужели? – вымучив улыбку, спросил Хью. – Если ему и впрямь удастся хитрить, будучи пьяным в стельку, то он просто уникален.

– В том-то хитрость и состоит: он пьет куда меньше, чем кажется окружающим, – пояснил незнакомец и, кивнув на бутылку в руке Хью, предложил: – Не хотите ли выпить что-нибудь приличное?

Подняв повыше бутылку, Хью с усмешкой сказал:

– Это единственное, что мне удалось сегодня выиграть. Так что я, пожалуй, останусь при своем.

– Хотите оставить себе эту дрянь на память? – Забрав у Хью бутылку, незнакомец поставил ее на поднос проходившего мимо официанта. – Джордж Алдертон пьет редкостную гадость. Я предпочитаю выпивку лучшего качества. Составите мне компанию?

Хью не обмануло показное дружелюбие незнакомца. Он сразу почувствовал, что имеет дело с человеком довольно жестким и мало склонным к сочувствию.

– Позвольте узнать, с кем имею честь, – холодно поинтересовался молодой граф.

– Кросс, – представился незнакомец. – Эдвард Кросс к вашим услугам, лорд Гастингс.

Хью ответил сдержанным поклоном. Чего же хотел от него этот Эдвард Кросс? Ничего хорошего от предстоящего разговора Хью не ждал. Кросс же едва заметно улыбнулся – словно прочел мысли собеседника и повторил, кивнув на свободный стол в углу:

– Давайте выпьем.

«Не ударь в грязь лицом», – в очередной раз приказал себе Хью и, кивнув, последовал за Кроссом. Клуб «Вега» мало напоминал обычный игорный клуб. Хозяин выделил отдельное помещение для того, чтобы завсегдатаи могли отвлечься от игры: перекусить, выпить или просто поговорить, сидя в уютных креслах. Сейчас, в половине четвертого утра, этот полутемный зал был почти пуст.

Усевшись в кресло напротив Хью, Кросс щелчком подозвал официанта и велел принести бутылку хорошего французского вина и два бокала. Хью же вытянул перед собой ноги и сложил руки на животе, приготовившись к разговору. Но о чем именно?.. А может, он должен денег этому господину? Впрочем... нет-нет – Хью всех кредиторов отца знал по именам, и Кросса среди них не было. Но, возможно, Кросс узнал о трудном положении графа Гастингса и решил выведать, какую выгоду может из этого извлечь. Хью уже получил два предложения касательно поместья Розмари, но вынужден был, к немалому своему огорчению, оба раза ответить отказом, хотя предложенные суммы были весьма щедрыми.

– Я видел, как вы играли сегодня, – сказал Кросс, когда официант, разлив вино по бокалам, удалился.

Хью покрутил бокал в пальцах и сделал глоток. Качество напитка было и впрямь весьма высоким. Окажись сейчас на месте Хью его отец – наверняка бы не упустил шанс и приобрел несколько дюжин бутылок.

– Зачем наблюдать за чужой игрой, когда «Вега» предлагает куда более интересные развлечения?

– Вы так думаете? – спросил Кросс с едва заметной ухмылкой. – Я бы никогда не сел играть с Гринвиллом или Алдертоном, но позлорадствовать в случае их проигрыша всегда рад. Хью чертыхнулся про себя. Зачем он здесь? Неужели ради того, чтобы слушать глумливые суждения о людях, в общем-то ему безразличных?

– Сожалею, что не предоставил вам возможности позлорадствовать, – пробурчал молодой граф.

Кросс издал звук, больше походивший на лай, чем на смех и произнес:

– Вы хорошо играете.

«Недостаточно хорошо, если судить по этой ночи», – подумал Хью и, сардонически усмехнувшись, сказал:

– Вы, кажется, говорили, что наблюдали за игрой?..

– Так и есть, – нисколько не смутившись, ответил Кросс. – А что касается проигрыша Гринвиллу, так вы не первый и не последний. Хотя... Знаете, а вы не теряли голову и играли хорошо.

– Но проиграл в конечном итоге, – глядя на свой бокал, заметил Хью. – А для меня хорошо играть – значит, не проигрывать.

– Как скажете, – пробормотал Кросс и подлил себе и собеседнику, хотя тот едва пригубил из бокала. – Достоинно принимать поражение умеют не все.

– Неужели? – Снова усмехнулся Хью.

Странно, но у него возникло ощущение, что Кросс не лукавил. Неужели этого господина и впрямь впечатлило его умение делать хорошую мину при плохой игре? Сам же Эдвард Кросс не походил на человека, которому часто доводилось проигрывать, скорее наоборот. Хотя в его темных волосах и серебрилась седина, он был мужчиной довольно крепким и подтянутым. Лицо его покрывал здоровый румянец – верный признак того, что этот человек много времени проводил на свежем воздухе. В том, что перед ним не джентльмен, у Хью не было ни малейших сомнений, но этот мужчина носил отлично скроенный дорогой костюм с элегантностью, которой мог бы позавидовать иной джентльмен. Мистер Кросс был со своим богатством на «ты», что выгодно отличало его от многих выскочек-нуворишей.

– Да, держать удар дано не всем, – сказал Кросс.

– Джентльмен принимает и поражение, и победу одинаково сдержанно, ибо честь и достоинство всегда остаются для него в приоритете.

Повторив излюбленную фразу отца, Хью вновь почувствовал во рту неприятный металлический привкус.

– Редко кто так себя ведет, и это касается как джентльменов, так и всех прочих смертных, – заметил Кросс. – И выходит, что достоинство – величайшая редкость.

Хью молча пожал плечами. Похоже, Кроссу, купавшемуся в деньгах, просто не понять, что чувствует человек в тот момент, когда двенадцать тысяч фунтов утекают у него из рук как вода сквозь пальцы. Хью мог бы сравнить свои ощущения с теми, что, наверное, испытывает приговоренный к повешению, чья надежда на помилование гаснет с каждым часом.

Да, пожалуй, это сравнение самое точное: ведь неизбежно наступит день – и этот день близок, – когда умение делать хорошую мину при плохой игре больше его не спасет. Возможно, стоило забыть о картах хотя бы на время и вплотную заняться поисками богатой невесты. Да, наверное, придется... но Хью надеялся, что сможет отсрочить неизбежное хотя бы до той поры, пока не устроится

будущее Эдит. Генриетта могла подождать еще год, но у Эдит уже был ухажер – старший сын виконта Ливингстона. Он присылал ей цветы и дважды в неделю приходил с визитами, и всякий раз, увидев его, Эдит трогательно краснела и мечтательно улыбалась. Хью с ужасом думал, что этот юноша вот-вот явится просить руки Эдит. И тогда пришлось бы придать огласке тот печальный факт, что отец оставил их без гроша... А ведь тот частенько заявлял, что выдаст своих дочерей за герцогов королевства, из чего следовало, что у них обеих будет завидное приданое. Хью не хотел сообщать им о том, что отец не потрудился отложить для них ни фунта, но при том тратил огромные суммы на постройку нового крыла в Розмари, не стесняясь влезать при этом в долги.

– Должен сказать, что выигрывать гораздо приятнее, чем проигрывать, – пробормотал наконец Хью, а потом добавил с усмешкой: – И тогда лучше помнишь о чести и достоинстве.

– Все так, – охотно согласился Кросс. – Но ведь вся наша жизнь – сплошной риск. Неудача может случиться с каждым и в любой момент. От этого никто не застрахован, верно?

Хью в задумчивости рассматривал вино в своем бокале. На что намекает этот человек?

– Вы принадлежите к редкой породе людей, – продолжил Кросс, и граф с удивлением взглянул на него.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, тотчас насторожившись.

Кросс усмехнулся.

– Мне нравятся люди, умеющие держать себя в руках.

Хью промолчал: ему вдруг показалось, что Кросс его раскусил. Сердце его на мгновение замерло – и пустилось в галоп. А он так старался скрыть ото всех истинное положение вещей... Хотя... Нет-нет! Лишь нанятые им поверенные знали всю правду, но и общаясь с ними, Хью демонстрировал аристократическое пренебрежение к столь низменным вещам, как долги. Да и не он один был должен столько, что за всю жизнь не расплатиться, не так ли? В общем, Хью прекрасно понимал: стоит дать слабину и показать свой страх – и кредиторы

набросятся на него словно почуявшие свежую кровь волки.

Так что Кросс скорее всего ничего не знал. Сердце Хью вернулось в прежний ритм, но совсем без последствий не обошлось: он был сыт поражениями по горло и потому, осушив одним махом бокал, проговорил:

– Благодарю, мистер Кросс, за вино, а теперь мне пора домой.

– Приятно было пообщаться с вами, милорд, – с поклоном ответил Кросс, вставая из-за стола. – Может, мы еще и встретимся.

Хью пожал плечами и, мысленно дав себе зарок никогда не садиться за один стол с Кроссом, ответил:

– Да, возможно. Спокойной ночи.

Глава 3

Если бы кто-то предупредил Элизу о том, что в ее жизни вот-вот произойдет нечто важное и значимое, она бы надела платье понаряднее. Поэтому платье на ней было старенькое и простенькое, а на голове – самый обычный платок. Вилли вывалялся, по своему обыкновению, в чем-то вонючем и липком, и его срочно надо было искупать. Едва заметив, что хозяйка вытаскивает большую медную посудину, Вилли спрятался под комод в буфетной, и его пришлось оттуда вытаскивать за задние лапы. Достав собаку, Элиза понесла его, дрожащего, купаться, а лакей уже успел наполнить ванну теплой водой.

– Если бы ты держался подальше от кухонных помоев, то и мыться бы не пришлось. – Элиза отчитывала пса, пытаясь отмыть свалявшуюся шерсть у него под пастью.

Вилли же прижимал уши к голове и пытался увернуться из-под струи чистой воды, которой поливала его горничная.

– Луиза, открой дверь, – приказала Элиза, нахмурившись. Мокрая шерсть выskalывала из пальцев, и Вилли, увидев свой шанс, стал выворачиваться с утроенной силой. – Я выпущу его в сад, пусть сохнет там.

Горничная распахнула дверь, и Элиза, вытащив пса из воды, крепко прижала его к груди. Вилли был не очень тяжелый, но увертливым, как выдра. В попытке высвободиться из объятий хозяйки он оцарапал ей шею под подбородком. Вскрикнув от боли, Элиза ослабила хватку, и пес, спрыгнув на пол, сбивая жестяные ведра на своем пути, бросился в укрытие под раковиной в смежной с кухней камерке – там хранилось все необходимое для уборки дома. Луиза с визгом побежала за псом, а дверь в сад между тем захлопнулась. Вилли же, стремительно изменив направление, помчался к выходу, но, встретив на своем пути препятствие в виде стеклянной двери, стукнулся в нее головой. Поскользнувшись на мокром полу, он откатился назад, затем, собравшись с силами, вновь кинулся на дверь – бедный пес ошалел от страха и, возможно, от боли. Элиза бросилась к двери, чтобы выпустить Вилли, но как раз в этот момент, распахнув настежь дверь, из кухни в буфетную зашла кухарка и воскликнула:

– Что за шум? Луиза, что происходит?

– Нет! – закричала Элиза, беспомощно глядя на Вилли: пес, проскользнув между ног у кухарки, рванул в кухню.

Кухарка громко завизжала и прижалась к стене, пропуская Элизу, бежавшую за Вилли.

– Закройте дверь! – крикнула Элиза растерявшемуся лакею.

Тот, похоже, забыл, что у него в руках тарелки, и посуда со звоном рассыпалась по полу, а Вилли тем временем уже выскочил в коридор.

Стащив с головы платок и подобрав юбки, Элиза помчалась за псом и на бегу крикнула:

– Прихвати полотенце, Луиза!

«Папа ужасно разозлится, если увидит все это, – подумала девушка. – Хорошо, если он еще не пришел».

В следующее мгновение, влетев в просторный вестибюль, Элиза увидела гостя, вероятно, пришедшего к отцу по делам. Причем в данный момент этот господин передавал дворецкому свою шляпу и перчатки. Судя по всему, он был в их доме впервые – по крайней мере, Элиза его раньше не видела. Незнакомец же с изумлением смотрел на пса – тот с радостным лаем несясь прямо на него.

Вилли, относившийся к людям весьма доброжелательно и обожавший обзаводиться знакомыми, с приветственным лаем бросался к «новому другу», норовя лизнуть его руку. Случалось, что он прихватывал зубами карманные часы или носовой платок очередной жертвы своего дружелюбия, оставляя дырки на одежде.

– Вилли! – с отчаянным воплем бросилась к собаке Элиза, – Вилли, сидеть!

Но пес, виляя хвостом, отпрыгнул в сторону и энергично отряхнулся. Брызги полетели во все стороны.

– Сидеть, Вилли! – с угрозой в голосе повторила Элиза, переходя в наступление.

Краем глаза девушка заметила приближавшуюся горничную с полотенцем. Если повезет, пришедший с визитом джентльмен и ее примет за горничную.

А Вилли между тем послушно сел и, склонив голову набок, взглянул на хозяйку. Элиза же медленно к нему подступала, мысленно заклиная пса не срываться с места. На визитера она не смела поднять глаза.

– Если позволите, я помогу вам, мисс Кросс, – сказал дворецкий как раз в тот момент, когда Вилли уже находился на расстоянии ее вытянутой руки.

И тот же миг пес отскочил в сторону, коротко пролаял и бросился к незнакомцу.

Элиза кинулась за собакой, и ей удалось преградить Вилли путь. Но тот вдруг прыгнул прямо на нее, сбил с ног и запрыгнул на колени. Элиза схватила Вилли за загривок, и пес жалобно заскулил, но тут же, признав свое поражение,

принялся энергично вылизывать лицо хозяйки.

– Вы не ушиблись? – спросил визитер.

Кое-как уворачиваясь от шершавого собачьего языка, Элиза заставила себя взглянуть на незнакомца, а тот смотрел на нее с некоторым беспокойством. Тут она вдруг увидела все происходившее глазами постороннего и, залившись краской, ответила:

– Нет, нисколько.

Незнакомец чуть приподнял бровь, как бы давая понять, что сомневается в искренности ее слов. Протянув девушке руку и помогая подняться, он сказал:

– Я рад, что все обошлось.

Элиза же замерла на мгновение. Она уже выпустила руку незнакомца, но все же успела почувствовать приятную твердость его теплой ладони. При мысли о том, что ему пришлось держать ее за руку – мокрую, мыльную и провонявшую влажной собачьей шерстью и дегтярным мылом, – Элизе захотелось провалиться сквозь землю.

– Спасибо... – пробормотала она и пригладила волосы, отчего мыльная пена перекевалась с ее рук на прическу, находившуюся в самом прискорбном состоянии.

Гость молчал, и Элиза, еще больше смутившись, пробормотала:

– Прошу вас, сэр, простите Вилли. Он очень... энергичный, но дружелюбный.

А пес тем временем вытягивал шею в надежде все-таки дотянуться мордой до «нового друга». Элиза знала, что Вилли всего лишь хотелось лизнуть гостя, но ведь тот мог подумать, что пес собирался его укусить... Ох, пожалуй, он так и подумал, потому что в ответ на старания Вилли отпрянул и отступил. Элиза крепко обняла пса за шею, чтобы тот не лез к гостю со своими «любезностями».

А незнакомец вдруг улыбнулся и сказал:

– Что ж, вы меня успокоили.

И голос у него оказался очень приятный – в меру низкий и прекрасно поставленный. Кроме того, было ясно, что перед ней потомственный аристократ. Впрочем, не только голос выдавал его принадлежность к высшему обществу. И рост, и осанка, и одежда – он был всем хорош. И лицо – не исключение. По правде сказать, таких красавцев Элизе еще не доводилось встречать. Его темные, зачесанные назад волосы слегка завивались, и при этом черты лица были на редкость правильные – словно позаимствованные у античных статуй.

Но лучше всего были глаза. Именно эти глаза заставили ее с особой остротой почувствовать, какой она перед ним предстала: растрепанной, грязной, с мокрым псом на руках и в насквозь промокшем фартуке. Глаза его насмешливо поблескивали, и в них проглядывало некоторое любопытство, а чуть приподнятая бровь, пожалуй, свидетельствовала о том, что он мысленно смеялся над ней – прямо-таки умирал от смеха!

И тут с Элизой случилось именно то, что всегда случалось в присутствии красивого мужчины, – она онемела от смущения. Язык ее словно прирос к нёбу, лицо сделалось пунцовым, и она как будто со стороны услышала собственное дурацкое хихиканье. А ведь она должна была представиться! Должна была извиниться. И должна была сказать что-нибудь остроумное, на худой конец – вежливое, но она лишь глупо хихикала, с каждым мгновением все острее ощущая неловкость и стыд.

– Элиза, что происходит? – внезапно послышался голос отца.

О боже!.. Девушка с трудом оторвала взгляд от таинственного джентльмена и, повернув голову, увидела на верхней площадке лестницы отца – весьма недовольного.

– Вилли убежал от меня после купания, – пробормотала она.

Эдвард Кросс строго посмотрел на пса. Вилли же при виде благодетеля, скармливавшего ему бекон, восторженно взвизгнул и завилял хвостом.

– Лорд Гастингс, это моя дочь Элизабет, – сказал Кросс. – Элиза, это граф Гастингс.

Граф? Девушка потупилась, присела в реверансе и смущенно пробормотала:

– Приятно познакомиться, милорд.

– Взаимно, мисс Кросс, – с поклоном ответил визитер, во взгляде его при этом не осталось и следа от прежней добродушной насмешливости.

– Я, пожалуй, отведу Вилли в сад, – сказала Элиза. – Прошу меня извинить, милорд.

Она попыталась еще раз присесть в реверансе с Вилли на руках, но едва не потеряла равновесие, резко развернулась и бегом устремилась в коридор. Луиза тотчас же догнала ее и протянула ей полотенце. Элиза уговаривала себя, что злится на горничную напрасно, что Луиза не виновата в случившемся. Ведь не по вине же горничной кухарка в самый неподходящий момент распахнула дверь. Во всем виноват Вилли, он один. Но, с другой стороны, именно благодаря Вилли ей довелось познакомиться с красивым и обходительным джентльменом. Жаль только, что знакомство это состоялось в тот момент, когда она была одета как полумойка. К тому же от нее воняло мокрой псиной...

«Мне, как всегда, везет, – подумала Элиза, помогая горничной вытирать Вилли. – А папа будет на меня ужасно злиться...»

– Ты плохой пес, непослушный, – прошептала своему любимцу Элиза, возвращаясь на кухню.

Вилли шел за ней, понуро опустив голову и повесив уши, но едва лишь хозяйка открыла перед ним дверь в сад, подпрыгнул с радостным лаем и помчался гонять птиц.

– Простите, мисс, – в смущении пробормотала Луиза. – Я не знала, что он так быстро бежит.

Элиза вымучила улыбку.

– Но на будущее имей в виду: не следует поднимать шум из-за того, что он носится вокруг тебя. Он не кусается.

Нервно кусая губы, горничная присела в реверансе.

– Слушаюсь, мисс.

И тут Элиза вдруг поняла, какие чувства испытывала в этот момент Луиза. Горничной ведь было всего лет четырнадцать. Когда ей, Элизе, было столько же, она вела себя точно так же.

– Ты боишься собак, Луиза? – спросила Элиза.

Глаза девушки расширились.

– Нет-нет, мисс... – пролепетала она. – Не очень...

Элиза попыталась приободрить служанку улыбкой.

– Не переживай, Луиза. Может, стоит попробовать преодолеть твой страх? Вилли нам в этом поможет.

Горничная покраснела и кивнула.

– Луиза, куда ты пропала? – Голос у кухарки был визгливый и громкий. – Кто будет за тебя кастрюли чистить?

Присев в реверансе и поклонившись хозяйке, Луиза побежала на зов. Элиза же сняла насквозь мокрый фартук и повесила на вбитый у двери крючок. Кто-то из слуг уже вылил воду из медной ванны и ополоснул ее. Оставалось только убраться на место жестянку с мылом. Когда Вилли подбежал к двери и лаем потребовал, чтобы его впустили, Элиза еще раз насухо вытерла его полотенцем. Короткая шерсть пса смешно торчала во все стороны. Элиза не смогла сдержать смех:

– И все-таки ты плохой пес!

Вилли, словно извиняясь, подпрыгнул и лизнул ее в лицо.

Элиза по служебной лестнице – чтобы не испортить ковер и не встретиться с отцом и его гостем – отвела пса к себе в спальню. Если ей суждено когда-нибудь еще раз увидеться с импозантным графом Гастингсом, то она предпочла бы предстать перед ним чистой, сухой... и во всех отношениях готовой к встрече. Следовало, пожалуй, придумать на всякий случай какое-нибудь остроумное замечание по поводу их первой встречи.

«Прошу прощения за то, что не лежу у ваших ног на этот раз, милорд». Элиза представляла, как безо всякого смущения, глядя в глаза лорду Гастингсу, произносит эту фразу и завершает ее чарующим смехом.

Нет, пожалуй, так она слишком уж живо напомним ему о своем неуклюжем падении.

«Вилли шлет вам свои приветствия, милорд, а также заверения в том, что его манеры претерпели значительное улучшение по сравнению с теми, что он на днях продемонстрировал в вашем присутствии». Эту тираду следовало произнести с надрывом в голосе, чтобы таким образом дать понять, что именно пес во всем виноват.

А еще лучше сказать так: «Милорд, а не начать ли нам с чистого листа, забыв о том, как мой пес чуть на вас не набросился?»

Элиза захлопала ресницами, представляя, как в этот момент на нее смотрит импозантный лорд Гастингс и загадочно улыбается. Даже не улыбается, просто смотрит – пристально и чуть приподняв бровь. А в глазах его поблескивают насмешливые огоньки. И, конечно же, он не без тайного удовольствия вспоминает водевильную сцену их знакомства. Возможно, он сочтет нужным заметить, что без уродливого мокрого фартука она куда милее. И тогда Элиза ответит ему сдержанным поклоном и многозначительной улыбкой, давая понять, что отдает должное его галантности. Затем он – а почему бы и нет? – пригласит ее танцевать или, на худой конец, принесет ей лимонаду. И с этого момента они могли бы... стать друзьями.

«Да, Гастингс приходил к нам ужинать вчера». Теперь Элиза представляла, как говорит об этом подругам словно невзначай, словно не видит в том ничего

особенного.

Но, увы, ничего подобного никогда не происходило и скорее всего никогда не произойдет. И нужно быть ужасно глупой и наивной, чтобы вообразить, будто она способна очаровать лорда Гастингса.

Элиза брезгливо поморщилась, глядя на свое отражение в зеркале.

– Мне бы следовало надеяться на то, что я больше никогда его не увижу, – сказала она, обращаясь к Вилли. – Он наверняка считает, что у меня с головой не все в порядке. И это из-за тебя...

Пес зевнул, потянулся и затрусил к своей лежанке в углу. Свернувшись калачиком, утомленный беготней и переживаниями, Вилли почти сразу же уснул. Элиза с умилением посмотрела на пса. Злиться на него у нее не хватало духу. Колокольчиком вызвав горничную, чтобы та помогла ей переодеться в сухое, Элиза мысленно поклялась, что больше не будет вспоминать о сегодняшнем красавце.

– Прошу прощения за пса, – сказал Кросс, прикрыв дверь своего кабинета. – У моей дочери слишком доброе сердце.

Хью кивнул, принимая извинения, и тут же заметил:

– Доброе сердце у женщины не может не вызывать восхищения.

– Согласен с вами, – сказал Кросс и, обойдя стол, предложил гостю сесть.

Хью опустился в кресло, которое показалось ему на удивление удобным. В этом кабинете даже не пахло Чиппендейлом – никакой вычурности; вся мебель была добротная, основательная, обитая мягчайшей кожей. Кабинет, как, впрочем, и весь остальной дом – по крайней мере, та его часть, которую Хью успел увидеть, – был обставлен так, чтобы и хозяевам, и гостям было удобно. Никакого слепого следования моде, никакой пошлости и безвкусицы, никаких попыток пустить пыль в глаза, но при этом все – самого лучшего качества. Если у Хью и оставались какие-то сомнения относительно финансового положения Кросса, то теперь, побывав у него в доме, он мог твердо заявить: Кросс богат, очень богат.

Со времени их странного разговора в «Веге» прошло больше двух недель. Хью не вспоминал о нем и, бывая в клубе, если и видел Кросса, то лишь издали. Продолжать знакомство с Кроссом Хью не собирался, хотя у Кросса, похоже, были иные планы. Но какие именно?.. Вот этого Хью никак не мог понять.

Хозяин предложил гостю выпить, но тот отказался. Налив себе и усевшись за стол, Кросс спросил:

– Как ваши дела, милорд?

– Я получил письмо от сэра Ричарда Несбита, – сказал Хью. – И в этом письме он любезно известил меня о том, что продал несколько долговых расписок, полученных от моего отца.

– Очень похоже на Несбита, – прокомментировал Кросс.

Граф пожал плечами; он-то считал Несбита отъявленным негодяем – хитрым, изворотливым и, возможно, нечистым на руку.

– Зачем вы выкупили у него долги моего отца? – спросил Хью напрямую.

– Потому что я посчитал такие инвестиции перспективными. – Кросс откинулся на спинку кресла.

– В самом деле? – Хью приподнял бровь. – О каких именно инвестициях идет речь?

Долговые расписки, которые до последнего времени хранил у себе Несбит, насчитывали лет пять. Отец тогда проигрался на скачках. Поставил три тысячи на жеребца, который в каждом заезде приходил последним. Хью считал эти долговые расписки недействительными, но Несбит все же хранил их до тех пор, пока Кросс не выкупил долг, надо полагать – за полную стоимость.

– Инвестиции – это вы, милорд, – с непринужденной улыбкой ответил Кросс. – Вы ведь приходите сыном своему отцу, не так ли?

– Но у Несбита не было законного права требовать с меня этот долг, – сквозь зубы процедил Хью. – То был долг чести моего отца, а его уже нет в живых.

– Вот досада! – Кросс изобразил огорчение. – Выходит, Несбит меня надул.

– Зачем вы их выкупили? – снова спросил Хью, не повышая голоса.

Кросс смотрел на него с ухмылкой.

– Вы знаете, как я сколотил состояние, лорд Гастингс?

Хью насторожился, а Кросс между тем продолжал:

– Игрой на бирже, милорд. Чертовски рискованный бизнес, но прибыльный.

– Насколько мне известно, биржевые маклеры покупают лишь тогда, когда видят возможность получить прибыль, – заметил Хью. – Чем рискованнее сделка, тем выше прибыль. Но шанс получить прибыль от долговых расписок Несбита – один к тысяче, не больше.

– Тогда я в проигрыше, – пожав плечами, отозвался Кросс. – Мы, биржевые маклеры, привыкли и к поражениям.

– Я бы принял ваше объяснение, если бы речь шла лишь об одном эпизоде. – Хью заерзал в кресле, пытаясь справиться с рвавшимся наружу гневом и страхом. – Будучи немало озадачен столь странным приобретением – вы ведь не могли не знать, что выкупленный вами долг никогда не будет оплачен, – я отправился к своему нотариусу, и он заявил, что у меня нет никаких обязательств по выплате отцовского долга чести пятилетней давности. Но он также упомянул о тех любопытных документах, что получил в последнее время. Это не единственный долг моего отца, который вы выкупили у его кредиторов.

Кросс утвердительно кивнул.

– Но с какой целью? – поинтересовался Хью, почувствовав, что вот-вот сорвется. – Только избавьте меня от рассказов об инвестициях и рисках. Вы систематически скупали мои долги, и теперь я должен вам больше, чем кому бы

то ни было из отцовских кредиторов. Намного больше. Зачем это вам?

– Эти ваши долги – мои инвестиции, – отозвался Кросс.

– Но теперь-то вы знаете, насколько неподъемны мои долги, – ледяным тоном проговорил Хью. – И, зная это, вы прекрасно понимаете, что я едва ли смогу когда-либо расплатиться с вами полностью.

Когда нотариус сообщил ему о том, что Эдвард Кросс скупил значительную часть долговых обязательств покойного графа Гастингса, Хью не сразу вспомнил, при каких обстоятельствах впервые услышал это имя. А потом, вспомнив, не мог понять, зачем понадобилось Кроссу скупать его долги. Непонимание породило страх, и именно из-за этого страха он явился сюда.

Сбивало с толку и еще одно обстоятельство... Кросс не делал попыток связаться с ним, не заговаривал с ним в игорном клубе, то есть никоим образом не пытался получить с Хью те очень немалые деньги, которые граф был теперь ему должен. Кроме того, Хью узнал, что Кросс оплатил восемьдесят тысяч по закладной на поместье и расплатился с торговцами, отпускавшими Джошуа товары в долг. И он даже вернул карточные долги отца, которые Хью по закону мог и не отдавать. Но зачем же Кроссу все это понадобилось?

– Если вы не желаете объяснить, почему вы это сделали, то по крайней мере дайте мне гарантии, что согласитесь на условия возвращения долгов, которые уже были согласованы с теми, у кого вы эти долги выкупили, – проговорил Хью, так и не дождавшись ответа.

Кросс улыбнулся.

– Вернете когда сможете, милорд. Я не стану вас торопить – могу себе это позволить. – Он пожал плечами с таким видом, словно речь шла о нескольких шиллингах. Из открытого окна за спиной Кросса донесся собачий лай. Глянув в окно, он вдруг спросил: – Вы любите собак, лорд Гастингс?

Заподозрив какой-то подвох, Хью внимательно посмотрел на Кросса, поднялся и кивнул:

– Да. Если вы не желаете объясниться и не намерены изменять условия выплаты по долгу, я не смею более утомлять вас своим присутствием. Мой поверенный проследит за тем, чтобы выплаты по выкупленным долгам производились на ваше имя.

– Задержитесь еще ненадолго, Гастингс, – попросил Кросс, снова глянув в окно. – Скажите, вы всех собак любите? Даже беспородных дворняг, как у моей дочери?

Хью хотел уйти, но не ушел. Его безмерно раздражало то обстоятельство, что он был вынужден плясать под дудку человека, от которого теперь зависело благополучие всей семьи.

– Мне нравятся собаки с хорошим характером. Я не люблю диванных собак – тех, что норовят укусить исподтишка.

– Очень хорошо... – в задумчивости пробормотал Кросс, встал и добавил: – Спасибо за визит, милорд.

У Хью от злости желваки заходили под скулами, но он промолчал – ответил лишь сдержанным поклоном.

– Может, как-нибудь поужинаете с нами? – спросил Кросс. – Мы с дочерью почли бы за честь разделить с вами трапезу.

Хью уже хотел ответить отказом – холодным, и вежливым, но тут вдруг подумал о дочери Кросса... и почему-то сказал:

– Да, пожалуй...

– Завтрашний вечер вас устроит? – осведомился Кросс. – Знаете, и вот еще что... видите ли, милорд, имеются некоторые... э... возможности, которые мы могли бы обсудить.

– Возможности?... – переспросил Хью.

Что ж, вот и ответ. Имя Гастингс в числе соучредителей какой-нибудь сомнительной фирмы – вот что, наверное, хотел от него Кросс. А может, ему требовалось содействие в приобретении связей среди аристократии? Что ж, у него действительно имелись друзья в высшем обществе. Было бы странно, если б он их не имел.

– Речь не идет о чем-то противозаконном, – поспешил развеять его сомнения Кросс. – Возможности, о которых я говорил, могут открыть для вас новые перспективы. Не беспокойтесь, я не предлагаю ничего такого, что могло бы вам навредить. Напротив, если кто и выгадает, так это вы. Приходите на ужин, и мы тогда обо всем поговорим. Так как же, согласны?

Хью пожал плечами и кивнул:

– Да, конечно. Разве у него был выбор? Увы, нет. Ведь мистер Кросс купил его с потрохами.

Глава 4

Элиза нервно мерила шагами гостиную. Отец пригласил графа Гастингса на ужин.

– Зачем? – воскликнула она, когда родитель сообщил ей об этом накануне вечером.

– Мы с графом Гастингсом, возможно, станем партнерами по бизнесу, – спокойно ответил отец, очевидно, не заметив ее смятения. – Я хочу произвести на него благоприятное впечатление, так что надень что-нибудь такое... что тебе идет.

И при этом он подмигнул ей – словно собственными глазами не видел, в каком непривлекательном виде предстала она перед графом Гастингсом, когда тот познакомился с нею.

Едва оправившись от потрясения, Элиза в лихорадочной спешке принялась готовиться к предстоящему событию. От уже утвержденного меню пришлось

отказаться ради более изысканного. Все горничные в доме были мобилизованы на генеральную уборку столовой и гостиной – чтобы там все сверкало. Элиза же произвела ревизию всего своего гардероба. Выбор подходящего платья вдруг представился ей самым важным жизненным выбором. Ей во что бы то ни стало хотелось исправить то ужасное впечатление, что наверняка сложилось о ней у лорда Гастингса. Вилли – разумеется, против его желания – заперли в спальне Элизы, и прислуге было приказано не выпускать пса, как бы громко он ни лаял и как бы жалобно ни скулил.

Но если Элиза и была уверена в том, что ужин, дом и даже платье ее окажутся безупречными, то оставался открытым далеко не маловажный вопрос: что она скажет гостю? Ужасно нервничая, Элиза смахнула несуществующую пылинку с часов на каминной полке. Она до сих пор не придумала ни одного остроумного замечания. И это при том, что она была почти уверена: граф Гастингс после первой встречи с ней считал ее если не сумасшедшей, то весьма странной. Не хватало еще, чтобы после ужина он решил, что она глупа как пробка.

– Граф Гастингс, – торжественно объявил дворецкий, впустив гостя.

Элиза в последний раз обратилась к Всевышнему с горячей мольбой не дать ей опозориться перед гостем.

При виде графа Элизу обдало жаром – как от раскаленной печи. Он был ослепительно красив в вечернем наряде. А чего стоили его темные романтические кудри и бездонные глаза! И двигался он с непринужденной элегантностью истинного аристократа.

– Добрый вечер, мисс Кросс, – с вежливым поклоном произнес граф.

– Добрый вечер, лорд Гастингс. – Чувствуя, как заливаешься предательской краской лица, Элизабет сделала реверанс и спросила у гостя: – Не хотите ли присесть?

Прежде чем сесть на диван, граф окинул девушку взглядом и с улыбкой проговорил:

– Обещаю на сей раз не растеряться в случае появления здесь собак.

Элиза густо покраснела и издала нервный смешок.

– Не волнуйтесь, милорд! Вилли сидит под замком. Примите мои извинения за вчерашнее... Он ужасно себя вел.

Лорд Гастингс снова улыбнулся. При этом на щеке его появилась ямочка, а вокруг глаз собрались лучистые морщинки.

– Осмелюсь заметить, что ваш пес вел себя так же, как повел бы себя любой мальчишка, переживший основательную головомойку.

– Правда? – От волнения у Элизабет пересохли губы, и она машинально их облизнула. – Я бы ни за что так не подумала. Видите ли, я была единственным ребенком в семье.

– Когда я был ребенком, – сказал лорд Гастингс, – мне несколько раз удавалось избежать купания. Но я-то удирал до того, как меня помещали в ванну, а не после завершения экзекуции. – Улыбаясь все так же непринужденно, граф спросил: – Ведь ваш пес еще щенок, верно?

– Думаю, ему примерно год.

Лорд Гастингс вопросительно приподнял бровь, и Элиза пояснила:

– Я нашла его под кустом прошлым летом. Он был тогда совсем крохотным, и с тех пор сильно вырос. – Элиза в смущении откашлялась и добавила: – Наш главный конюх, который очень хорошо разбирается в собаках, думает, что ему примерно год.

– Я никогда не спорю со своим главным конюхом, – мгновенно отреагировал граф. – Мудрее их в Британии мужей не сыскать.

Элиза снова рассмеялась, на этот раз уже не так нервно.

– Надеюсь, ваш Вилли хорошо себя чувствует после той бешеной погони, – проговорил граф.

– Очень хорошо, – кивнула Элизабет.

Ей было гораздо проще говорить о Вилли, чем о политике или светских сплетнях. А общаться с лордом Гастингсом, вопреки ее опасениям, оказалось куда проще, чем с другими импозантными джентльменами.

– Ваш песик, конечно же, шалун, верно?

– Да-да, большой шалун. Вилли любит гоняться за птицами в саду, и тот факт, что ему ни разу не удалось ни одну из них поймать, нисколько его не обескураживает, а скорее напротив раззадоривает. К сожалению, эти погони часто заканчиваются купанием в грязной луже. – Элиза наморщила нос. – Но иногда мне кажется, что ему нравится валяться в грязи. Раз уж он оказался в луже – ни за что не вылезет оттуда, пока полностью не покроется грязью.

Лорд Гастингс рассмеялся, и по спине Элизабет пробежала дрожь. Ах, какой у него чудесный смех! И, что еще приятнее, это она, Элиза, его рассмешила.

– Неудивительно, что ему понадобилась ванна, – заметил граф.

– Да уж, удивляться тут нечему. Плохо только, что при такой любви к грязным лужам к чистой воде и мылу Вилли испытывает лютую ненависть. Узнав о том, что ему предстоит, он делает такие несчастные глаза, словно я его на казнь веду.

– Уверен, что он не держит на вас зла – почти сразу прощает.

– Да, конечно, но я... Я потом даю ему немного бекона – в качестве извинения.

Лорд Гастингс от души рассмеялся, а Элиза улыбнулась – радостно и вполне искренне.

– Видите ли, путь к сердцу Вилли лежит через его желудок, и даже папа... – Элиза запнулась, вспомнив об отце. Где же он? Он обычно не заставлял гостей ждать его.

– Вилли – любимец вашего отца? – спросил граф.

Элиза зарделась и пробормотала:

– Он никогда в этом не признается, но, думаю, очень любит Вилли. Так получилось, что и имя псу дал папа – случайно. Он сказал «вилы тебе в бок», а щенок отозвался – словно на имя. Вот я и назвала его Вилли.

– Не может быть! Так уж и отозвался? – с веселой улыбкой спросил граф.

– Да, отозвался. Сначала я звала его так, чтобы подразнить отца, но это имя... оно просто прижилось.

Граф по-прежнему улыбался, а Элиза не могла глаз отвести от ямочки у него на щеке. Он был не только хорош собой, но еще и отличался добротой и обаянием. И теперь девушка уже не испытывала неловкости в его присутствии.

– Да, я уверена, что папа любит Вилли, но отказывается это признавать, – добавила она.

– С собаками порой приятнее общаться, чем с людьми.

– Совершенно верно! – просияв, воскликнула Элиза.

Граф снова улыбнулся ей, а она вдруг подумала: «Неужели мне все это не снится?» Никогда еще ей не доводилось общаться с джентльменом, который держался бы так просто и был бы столь дружелюбен. Ей очень хотелось, чтобы их с отцом общий бизнес потребовал как можно более частого присутствия в их доме графа Гастингса. Она надеялась, что их встречи станут регулярными и что они по крайней мере раз в неделю будут ужинать вместе. И, странное дело, ей даже на мгновение почудилось, что мечты ее не так уж и несбыточны...

Но тут отворилась дверь, и в гостиную вошел ее отец.

– Добрый вечер, Гастингс. Простите за опоздание, – сказал Кросс с поклоном.

Граф встал при появлении хозяина дома и произнес ответное приветствие. Но его улыбка тотчас же померкла – лицо словно превратилось в маску.

Отец же, заложив руки за спину – при этом вид у него был весьма самодовольный, – повернулся к Элизе и проговорил:

– Дорогая, ты уже знакома с нашим гостем, и потому представлять вам друг друга нет нужды.

– Да, папа, – промолвила девушка и направилась к двери. – Я скажу дворецкому, что мы готовы ужинать.

– Не вижу в этом смысла. Я знаю, что ты все рассчитала до последней минуты. Думаю, лакеи уже стоят у стен в столовой и лишь ждут команды, чтобы снять крышки с блюд. Что ж, пойдемте. – Кросс кивнул на дверь.

– Мисс Кросс, вы позволите? – С галантным поклоном граф Гастингс предложил девушке руку.

Элизу охватила паника. Она как-то не подумала о том, что придется брать гостя под руку. Отец же не стал их дожидаться и пошел вперед, так что ей оставалось лишь одно – принять руку графа.

Ужин прошел для нее как во сне. Лорд Гастингс держался с отцом куда более сдержано, чем с ней, но Элиза ничего иного и не ожидала. Она знала, что отца считали человеком жестким, а в бизнесе – даже безжалостным и беспощадным. Поэтому деловые партнеры отца при общении с ним вели себя довольно сдержано. Они, конечно же, не догадывались, что Эдвард Кросс мог быть добрым и любящим, – об этом знала только его единственная дочь.

Но за ужином о коммерции они не говорили: отец настойчиво расспрашивал гостя о том, что тот думает о возможном реформировании парламента, о католичках-суфражистках и о законодательном ограничении импорта продовольствия. В какой-то момент Элиза всерьез забеспокоилась, как бы в пылу полемики он ненароком не оскорбил гостя. Когда же отец потребовал, чтобы граф прямо сказал, поддерживает ли ограничения импорта, Элиза поняла, что ей вот-вот придется вмешаться. Она давно уже заметила, что гость сидел как на иголках: не улыбался, а ответы его почти всегда были односложными. «Но почему папа так ведет себя?» – недоумевала девушка. Создавалось впечатление, что отец устраивал графу экзамен. А ведь по логике вещей ему следовало быть как можно более любезным с будущим компаньоном.

– Хватит об этом, папа, – укоризненно сказала Элиза. – Вот мне, например, интересно, видел ли лорд Гастингс новую постановку «Клариссы» в Королевском театре.

Граф одарил Элизу благодарной улыбкой – очевидно, разговоры о политике ему тоже не нравились.

– Нет, я не видел, – ответил он, – но моя мать и сестры говорят, что пьеса восхитительна. Больше всего им понравилось как представлены любовные переживания главных героев.

– Правда? – с живейшим интересом откликнулась Элизабет. – Папа, а мы можем посмотреть эту пьесу? Если леди Гастингс сочла приличным побывать на спектакле вместе с дочерьми, то тебе нечего опасаться.

– Может, и сходим, – уклончиво ответил отец и, откинувшись на спинку стула, жестом подозвал лакея, чтобы тот подлил ему вина. Сделав глоток, спросил: – Твоя подруга Джорджиана Лукас могла бы пойти с нами?

Элиза пожала плечами.

– Возможно, она захочет присоединиться к нам, если леди Сидлоу даст ей на то разрешение. Графиня Сидлоу была компаньонкой Джорджианы, призванной следить за тем, чтобы ее подопечная не нарушала приличий. Старушка была дамой строгих правил, даже слишком строгих, поэтому крайне редко позволяла Джорджиане посещать театр.

– Папа, так ты поведешь нас в театр? – еще раз спросила Элизабет.

Тихо рассмеявшись, отец кивнул:

– Да, конечно. Ты же знаешь, что я не могу тебе отказать, дорогая.

Элизабет просияла и обратившись к графу, спросила:

– Сколько лет вашим сестрам, лорд Гастингс?

– Примерно столько же, сколько вам, – ответил граф. – Эдит – старшая, Генриетта – младшая. Эдит в этом году впервые выйдет в свет, а Генриетта ждет не дождется следующего сезона, когда наступит время для ее дебюта.

Из слов графа следовало, что его сестры на несколько лет моложе Элизы, чей первый выход в общество был три года назад; причем ее дебют состоялся позже, чем это обычно происходит (Элизе удалось уговорить отца не торопить события и дожждаться, когда ей исполнится девятнадцать).

– Какое волнительное время для вашей сестры, милорд. Ей ведь нравится блистать в обществе?

– Даже очень, – кивнул граф. – Особенно в новых нарядах. А придворное платье привело ее в неопиcуемый восторг, – добавил он с едва уловимой иронией в голосе.

Элиза улыбнулась.

– Ничего удивительного, милорд. Любой новый наряд способен порадовать юную леди – тем более тот, что шьется для особого случая, который бывает только раз в жизни.

Элиза видела роскошное придворное платье Джорджианы, но ей-то самой такой наряд надевать некуда, поскольку при дворе принимали только девиц благородного происхождения, и этот порядок не мог изменить даже ее почти всемогущий отец – к безмерному своему огорчению.

– Никогда не понимал этой дамской увлеченности всякими шелками да кружевами, – покачав головой, заметил Кросс.

– К счастью для всех присутствующих, те времена, когда увлеченность шелками и кружевами была исключительно прерогативой джентльменов, канули в Лету, – не без ехидства заметила Элизабет. – Но знаешь, папа, ты бы прекрасно смотрелся в завитом парике, в бархатном, расшитом золотом камзоле и на каблуках – вроде тех, что так любил Чарлз Второй.

Лорд Гастингс издал звук, подозрительно напоминавший смешок. Отец же, приподняв бровь, с насмешливой улыбкой ответил:

– Уж лучше, дочка, оставьте все эти ленты и шелка себе.

– Я так и сделаю. Спасибо, папа, – просияла Элиза.

– Полагаю, что кружева и тому подобные изыски больше подходят для дам, – сказал лорд Гастингс и поднял свой бокал. – Я не знаю мужчин, которые бы хорошо разбирались в шелках, кружевах... и прочих материях, призванных украшать нашу жизнь. Но ваш вкус, мисс Кросс, выше всяких похвал.

Сердце Элизы радостно подпрыгнуло в груди, хотя она прекрасно понимала, что слова графа всего лишь комплимент, не более того. Джентльмен должен быть галантным, только и всего.

– Благодарю вас, милорд, – пробормотала девушка.

Когда слуги унесли посуду и Элиза, как того требовал этикет, оставила мужчин вдвоем, чтобы они могли насладиться бренди и обсудить свои дела, она успела слегка захмелеть, а лицо ее пылало. Чтобы охладиться немного, Элиза открыла окна. Из сада пахло свежестью, и вскоре гостиную наполнил аромат роз.

Лорд Гастингс был самым красивым, самым обаятельным, самым замечательным мужчиной во всем Лондоне. С ним она чувствовала себя легко и раскованно. За весь вечер она ни разу не запнулась и даже ни разу не захихикала, что было, безусловно, чудом. И сейчас ей было так хорошо, что она даже позволила себе помечтать о том, что эти совместные ужины станут традицией. Быть может, он даже заглянет в их с отцом ложу в театре, чтобы поболтать немного. И он будет улыбаться ей так, словно и впрямь находил ее интересной и милой собеседницей...

«Куда тебя занесло?» – одернула себя Элиза, когда мечты ее стали заходить слишком уж далеко.

– Глупые мечты, – прошептала она, обращаясь к невидимым розам в темном саду. – Да, глупые... но очень красивые.

Глава 5

Хью не мог дать себе однозначный ответ на вопрос, зачем сюда приехал. И действительно, ради чего он проделал весь этот долгий путь из Лондона в Гринвич? Ради того, чтобы поговорить с Кроссом? Но он ведь не знал, что это будет за разговор... Более того, он предпочел бы и дальше оставаться в счастливом неведении, если бы не одно существенное обстоятельство. Всю ночь напролет граф размышлял о том, зачем Кросс скупил его долги, и к утру пришел к выводу, что не будет знать покоя, пока не получит ответ от самого мистера Кросса.

Хью не ждал ничего хорошего от предстоящего визита, но не все было так плохо, как ему до этого представлялось. Мисс Кросс украсила вечер, и какие бы интриги ни плел ее отец, она – Хью был в этом абсолютно уверен – не имела к этим интригам никакого отношения. Девушка то и дело смущалась и трогательно краснела, когда он подшучивал над ее любимцем. И этот чудесный румянец очень украшал ее простоватое и не слишком выразительное лицо. Наверное, Хью не обратил бы на нее внимания, если бы она не ворвалась в его жизнь так внезапно. Вчера, увидев эту растрепанную особу, преследовавшую перепуганного пса, он поначалу принял ее за поломойку, опрокинувшую на себя ведро с грязной водой, и был немало удивлен, узнав, что перед ним дочь хозяина, которая к тому же лишена какого бы то ни было лукавства, но щедро одарена добротой. То есть ничего общего с ее отцом.

И сейчас, когда она удалилась в гостиную, оставив их с Эдвардом Кроссом вдвоем, Хью внутренне собрался, приготовившись услышать то, ради чего, собственно, и приехал сюда.

– Итак?.. – протянул граф, пристально глядя на хозяина дома.

А Кросс, судя по всему, пребывал в состоянии приятной расслабленности.

– Как вам понравился ужин, сэр? – задал он встречный вопрос.

– Превосходный ужин, – ответил Хью ледяным тоном. – Но я хотел бы узнать, зачем вы меня пригласили.

Кросс пожал плечами и жестом приказал слугам удалиться, после чего ответил:

– Мне захотелось познакомиться с вами поближе.

Хью мысленно досчитал до десяти, пытаясь успокоиться, затем, чеканя каждое слово, проговорил:

– Мистер Кросс, мы совершенно разные люди, и у нас с вами мало общего. Если нас что-то и сближает, то лишь тот факт, что теперь бо?льшую часть своего долга я обязан выплачивать вам.

– Но делал долги ваш отец, – уточнил Кросс.

– Да, таковы законы наследования, – сквозь зубы процедил Хью.

– Но не в моем случае, – с ухмылкой заметил Кросс. – Мой отец ничего мне не оставил; уж не знаю, хорошо это или плохо.

– Я очень рад за него и за вас. – Хью мрачно уставился на собеседника. – Так чего же вы от меня хотите?

– Сколько вы выиграли в «Веге»?

Хью передернуло от такой наглости.

– Вас это едва ли касается...

– Вы ведь этим зарабатываете, верно? – продолжил Кросс. – Я, кажется, уже говорил, что наблюдал за вами. На своем веку я перевидал немало аристократов за карточным столом, но вы от них очень отличаетесь. Играете с таким видом, словно вам все равно, выиграете вы десять тысяч или проиграете, но мы-то с вами знаем, что это не так. Вам необходимо только выигрывать. – Кросс помолчал, ощупывая графа взглядом. – Вам надо держаться на плаву, надо отбиваться от волков-кредиторов, время от времени подкидывая им куски, чтобы

они не набросились на вас всей стаей. Я не хочу вас оскорбить, – поспешил добавить Кросс, заметив, как вспыхнули от ярости глаза графа. – Я ведь, как вы помните, не джентльмен, поэтому не вижу ничего зазорного в необходимости зарабатывать себе на жизнь тем или иным способом. Нам, простолюдинам, в отличие от вас, аристократов, деньги сами в руки не плывут.

– Чего вы от меня хотите? – процедил Хью.

– Успехом в делах я отчасти обязан своему наметанному глазу, – с невозмутимым видом продолжил Кросс. – И я сразу узнаю того, кто нуждается в деньгах, как и того, кто имеет излишки. Мне же лишь остается свести одного с другим, и каждый оказывается в выигрыше – включая меня.

Хью сосредоточился на дыхании. Чуть прикрыв глаза, он считал количество вдохов и выдохов. Ему ужасно не нравилась роль слушателя-неудачника на лекции под названием «Как преуспеть в жизни», но встать и уйти он не мог. Увы, он был у Кросса на крючке.

– У вас, – как ни в чем не бывало продолжил Кросс, – весьма затруднительное положение – нужда в деньгах. Оказавшись в сходной ситуации, некоторые джентльмены ищут себе невесту среди дочек герцога с богатым приданым или богатую вдову, но вы не пошли по этому пути, если верить слухам. – Кросс помолчал, пожав плечами, а Хью притворился, что дремлет. – Есть всего две причины, по которым джентльмен с вашими проблемами не станет искать спасения в приданом жены. В том, что я о вас слышал, не было и полунамека на противоестественные склонности, и, следовательно, остается только одна причина: вы не нашли женщину, которая была бы достаточно состоятельной, чтобы с помощью ее приданого вы могли разом расплатиться со всеми долгами и забыть о своих проблемах.

«По-видимому, для Кросса нет запретных тем, а чувство такта ему неведомо», – со вздохом подумал Хью. И в таком случае ему оставалось лишь одно – терпеть и ждать, когда закончится это мучение.

– Ну, будет вам, – едва ли не с отеческой снисходительностью обратился к нему Кросс. – Откуда такая мрачность? Я полагаю, вы знаете, что о вас говорят.

Последние полтора года Хью старательно играл роль графа с безупречной родословной и связями, богатство которого исчислялось обширными земельными владениями, но, увы, не фунтами стерлингов. Но ветер гулял в карманах чуть ли не каждого второго потомственного аристократа, и потому высшее общество к подобным «мелочам» относилось со снисходительным сочувствием. Хью по-прежнему приглашали в самые элитарные собрания и клубы, и ни один торговец не отказывался отпускать ему товары в кредит. То есть Хью успешно справлялся со своей ролью, и это не могло не радовать. Но с другой стороны...

– Но зачем вам понадобилось наводить обо мне справки? – пробормотал граф. – Мы ведь с вами едва знакомы...

Кросс криво усмехнулся.

– А вы не догадываетесь? Бросьте притворяться, милорд. Вас считают далеко не глупым человеком. Вы хорошо играете в карты, вы умеете блефовать, если надо. Вы расчетливы и знаете, как важно держать себя в руках. Вы следите за тем, что говорите. В общем, вы – образцовый джентльмен. Всегда и во всем! Я вами восхищаюсь. – Кросс потянулся за графином с бренди, чтобы наполнить свой опустевший бокал, потом продолжил: – Буду говорить с вами начистоту, лорд Гастингс. Вам отчаянно нужны деньги, и, судя по тому, что мне известно, требуется очень крупная сумма. За вашей сестрой, я имею в виду леди Эдит, ухаживает наследник Ливингстона, верно?

– Да, – ответил Хью, и это «да» прозвучало как признание в смертном грехе.

Кросс понимающе кивнул.

– А приданого у нее нет, верно?

Хью невольно вздрогнул. Откуда, черт побери, Кросс об этом узнал?

– Ричард Несбит хорошо знал вашего отца, – пояснил Кросс и тем самым ответил на мучивший Хью вопрос, а затем добавил: – И у вашей второй сестры тоже нет приданого, как я понимаю. А ведь скоро и ей предстоит выйти в свет, правильно? И тогда вам понадобится не одно приданое, а два.

Не чувствуя ни рук, ни ног, Хью встал и без всякого выражения проговорил:

– Прошу меня извинить, но мне пора.

– У меня есть излишки, – продолжил Кросс. – Излишки того самого, чего вам не хватает. Сядьте, Гастингс. Неужели вы еще не поняли, что я говорю не только о своих деньгах, но и о незамужней дочери?

Хью на несколько секунд лишился не только дара речи, но и способности двигаться. Он был потрясен до глубины души. Затем на смену потрясению пришло недоумение.

– Вы сошли с ума, Кросс? Вы всерьез считаете, что я должен жениться на вашей дочери?

– Я бы очень этого хотел, – без обиняков заявил делец. – Захочет ли этого моя дочь – вопрос другой, но если вы на ней женитесь, то все ваши проблемы исчезнут.

Хью молча таращился на собеседника. «Что за бредовая идея? – воскликнул он мысленно. – Да, так и есть, Кросс – сумасшедший. И идеи у него безумные».

– Закладную на поместье и долговые расписки я уничтожу сразу же, – сообщил Кросс. – А приданое Элизабет – пятьдесят тысяч фунтов. Более того, после моей смерти все мое состояние достанется ей. На сегодняшний день это около полумиллиона фунтов. – Усмешка Кросса чем-то напоминала хищный оскал. – Я, конечно, пока что не на смертном одре, а прожить могу еще столько же, сколько уже прожил, но ведь я все-таки немолод, понимаете?

– Она знает об этом безумном плане? – пробормотал наконец граф.

– Нет, не знает. И не узнает. – На Хью глядели глаза человека, не знавшего, что такое жалость. Да уж, пощады от такого не жди. – Стоит вам хоть словом обмолвиться об этом нашем разговоре – и можете забыть о моем предложении навсегда. И еще: я немедленно потребую от вас выплату по всем выкупленным мной долгам через суд. И можете не сомневаться, Гастингс, я вас из-под земли достану.

Хью почувствовал, что задыхается и судорожно сглотнув, пробормотал:

– Хорошо, я буду молчать. – «И ноги моей больше не будет в этом доме», – мысленно добавил он.

– Дело в том, что моя дочь хочет выйти замуж по любви, – сообщил Кросс, подлив себе еще бренди. – Если вы станете за ней ухаживать, то решать, принимать ваши ухаживания или нет, будет она, только она. Элизабет заслуживает того, чтобы ее обожали, чтобы ее благосклонности добивались, чтобы ей всячески оказывали внимание, и на меньшее она не согласится.

Хью хрипло рассмеялся.

– Вы хотите, чтобы я играл роль влюбленного, но при этом – безо всяких гарантий? А что, если ваша дочь не примет мои ухаживания? Что тогда, Кросс? Вы втягиваете меня в рискованную игру, и я должен ясно себе представлять свои шансы на успех.

– Понятия не имею, какие у вас шансы, – с невозмутимым видом ответил мистер Кросс. – Хотя... Знаете, мне показалось, что вы ей понравились.

Хью оперся ладонями в стол и опустил голову. Проклятье, он в западне! Ему-то казалось, что нет ничего хуже, чем оказаться по уши в долгах, но, выходит, он ошибался...

Тяжело вздохнув, граф проговорил:

– Но как случилось, что ваш выбор пал на меня?

– Вы умеете проигрывать. – Кросс ухмылялся, глядя в бледное от бессильного гнева лицо гостя. – И вы похожи на порядочного человека. Я держал уши востро, и то, что я услышал, меня не разочаровало.

– Значит, вы где-то слышали, что я по уши в долгах? – процедил Хью.

– Как и том, что вы всеми силами стараетесь это скрыть, – подхватил Кросс. – И поверьте мне, Гастингс, я честный игрок. Если увижу, что вы стараетесь изо всех

сил и ухаживаете за ней так, как она заслуживает, а она ответит вам отказом, я от вас отстану. Будете платить по долгам, как и платили, то есть понемногу. И больше никаких дел между нами не будет.

Снова вздохнув, Хью прикрыл глаза и с горечью подумал: «Что ж, и на том спасибо». Как бы ни хотелось ему поскорее покинуть этот дом и забыть об этом разговоре как о дурном сне, едва ли у него получится сорваться с крючка. Ведь Кросс мог превратить в ад жизнь его матери и сестер. А мог и не превратить. Стоило ли проверять? Нет, разумеется.

Медленно опустившись на стул, граф задумался. Что ж, если Кросс первый бросил перчатку, то что мешает и ему выдвинуть какие-либо требования?

– Вы слишком много просите, – ровным голосом проговорил Хью. Сейчас ему очень пригодился опыт, приобретенный за карточным столом. Хладнокровие и невозмутимость – главные козыри игрока. – Видите ли, моя ставка весьма высока – вся оставшаяся жизнь. Поэтому мне следует принимать во внимание и то обстоятельство, что ваша дочь, возможно, не ответит согласием на мое предложение...

Цель оправдывает средства, как говорится. Ухаживать можно красиво, но так, чтобы в нужный момент она ответила тебе отказом. Если делать все правильно, она несколько не усомнится в искренности твоих чувств и даже будет думать, что своим отказом разбила тебе сердце. Но при таком раскладе пришлось бы выйти из игры, оставив деньги на столе. А этого Хью как раз и не мог себе позволить.

– Если я буду всеми силами добиваться ее согласия, – продолжил Хью, – то это, конечно, не останется незамеченным. Другие незамужние леди решат, что я сделал свой выбор, и потеряют ко мне всякий интерес. Но если мисс Кросс мне откажет, то мои долги никуда не исчезнут, а время будет упущено, понимаете?

Откинувшись на спинку стула, Кросс пристально посмотрел на графа. А тот, приподняв бровь, ждал следующего хода противника.

– То есть вы просите назвать сумму вашего выигрыша в случае ее отказа? – осведомился Кросс.

– Вот именно, – с ноткой металла в голосе ответил Хью. – Мое время имеет цену, Кросс. Не говоря уже об усилиях, которые требуется приложить, ухаживая за женщиной.

Кросс надолго задумался. Наконец спросил:

– Сколько вы хотите?

– Десять тысяч, – тут же ответил граф.

Столько он отдаст за Эдит в качестве приданого. «Господи, помоги мне выбраться из этой западни!» – мысленно взмолился Хью.

Кросс же смотрел на него со злобным прищуром.

– Слишком высокая цена за месяц вашего времени, – заявил делец.

Хью в ответ пожал плечами. Сейчас он снова находился в игре, и на лице его была привычная маска игрока.

– Видите ли, Кросс, я седьмой граф Гастингс, десятый виконт Дейн и барон Карлайл. Мой титул был учрежден королем Генрихом Пятым. Вы могли бы обратиться с этим предложением к любому, но выбрали меня. Да, верно, мое время дорогого стоит. «Если ты собрался купить себе графа в зятя, будь готов платить по полной», – со злостью подумал Хью.

Как ни странно, Кросс торговаться не стал. Утвердительно кивнув, он произнес:

– Договорились.

– И я не буду переводить вам деньги в счет оплаты долга, пока ухаживаю за вашей дочерью, – продолжил наседать Хью. – Если вы намерены простить мне всю сумму в случае моего успеха, то нет смысла платить сейчас. И еще, – Хью растянул губы в притворной улыбке, – мне нужны средства, чтобы ухаживать за леди так, как полагается.

Несколько мгновений Кросс сидел с каменным лицом, потом проворчал:

– У вас немалые аппетиты, Гастингс.

– Таковы мои условия, – отозвался Хью и наконец-то взял свой бокал. – Так мы договорились?

Кросс молча мерил графа взглядом. А тот с невозмутимым видом ждал.

– Да, решено, – ответил, наконец, Кросс и поднял свой бокал.

Они оба выпили, и Хью по-прежнему не покидало ощущение, что все это происходило не с ним и не наяву.

– И еще кое-что, – сказал Кросс, когда граф уже собирался встать. – Вам придется забрать собаку.

Хью пожал плечами. Что такое собака по сравнению с навязанной женой?

– Да, конечно, – кивнул он.

По дороге в гостиную ни тот, ни другой не произнесли ни слова, но Хью казалось, что он физически ощущал вибрацию своих нервов, походивших на туго натянутые струны, которые вот-вот лопнут. «Что же я наделал?» – то и дело спрашивал он себя.

Войдя в гостиную и увидев сидевшую за пианино мисс Кросс, Хью внимательно посмотрел на нее. Неужели она действительно ничего не знала о безумных планах своего отца? От ответа на этот вопрос во многом зависели его дальнейшие действия.

Мисс Кросс подняла глаза от клавиш при появлении мужчин, и в ее зеленоватых глазах промелькнула тревога. Она встала и присела в почтительном реверансе.

– Вы уже закончили с делами? – спросила она.

А голос у нее довольно приятный, не визгливый (теперь граф с напряженным вниманием ловил каждое ее слово, подмечал каждый жест).

– Да, мисс Кросс, – ответил он с вежливым поклоном. – Надеюсь, мы не заставили вас ждать слишком долго.

И вновь щеки ее покрылись все тем же очаровательным румянцем.

– Нет конечно, нет. – Девушка перевела взгляд на отца. – Ты бы хотел, чтобы я сыграла, папа?

– Конечно, дорогая, – с готовностью ответил делец.

Хью старался не встречаться с Кроссом взглядом и сел так, чтобы хорошо видеть лицо девушки. А мисс Кросс, робко взглянув на графа и пробежав пальцами по клавишам, заиграла какой-то романс. Большинство девушек из хороших семей умели играть на пианино, но мисс Кросс еще и очень неплохо пела. Голос у нее был красивый и сильный.

«Элиза», – напомнил себе Хью. Отныне он должен даже в мыслях называть ее так. Вполне возможно, он смотрел сейчас на свою будущую жену, мать его детей, смотрел на ту женщину, что будет жить с ним в одном доме и спать с ним в одной постели. Она любила свою собаку, она красиво пела, и ей нравился театр – вот и все, что он о ней знал. Но, может, и этого хватит?

Конечно, она не красавица в общепринятом смысле. Простоватое круглое лицо и светло-каштановые волосы. Ничего примечательного. Жемчужное ожерелье на шее... Платье из бледно-зеленого шелка, которое – в этом Хью был абсолютно уверен – стоило не меньше, чем придворное платье Эдит. Однако же, это платье – на первый взгляд совсем простенькое – очень ей шло. Многим женщинам не хватало чувства стиля, и они пытались возместить отсутствие вкуса дорогими нарядами по последней моде, но результат получался плачевный. Живя под одной крышей с двумя взрослыми сестрами и матерью, Хью знал о дамских нарядах вполне достаточно, чтобы судить о том, как одета эта девушка. И было совершенно очевидно: она умела выбирать то, что ее украшало. Когда же она протянула руку к нотам, чтобы перевернуть страницу, Хью подошел к ней и встал рядом. В тот же миг голос ее чуть дрогнул, но она продолжила петь и играть.

У нее красивая кожа... Гладкая и чистая... Хью заметил на переносице несколько веснушек, но плечи и грудь были сливочно-белые. Да-да, грудь... Хью протянул руку к нотной тетради и, переворачивая очередную страницу, украдкой посмотрел вниз. У нее была пышная и очень даже соблазнительная грудь. Руки – изящные и выразительные. И теперь, глядя на порхавшие над клавишами пальцы девушки, Хью уносился мыслями в сферы, весьма далекие от музыки. Впрочем – как посмотреть... Он представил, как эти изящные руки порхают по его телу. Интересно, что он будет при этом чувствовать? И что будет чувствовать, целуя ее? Какова она в постели? Будет ли стыдиться или бояться? Хью одернул себя. Черт возьми, о чем он думает? Ведь он даже еще не принял окончательного решения. Возможно, он не станет за ней ухаживать. А если станет, то сможет ли внушить этой девушке, что она свела его с ума, что от любви к ней он потерял голову? Хм... пожалуй что сможет. Но сможет ли он не выдать себя до самой свадьбы? И сможет ли он жить с ней, постоянно задаваясь одним и тем же вопросом: когда Эдвард Кросс предъявит ему новый счет и чем станет угрожать на этот раз?

Пальцы девушки замерли, и музыка смолкла, а Хью задавал себе все те же вопросы. Стоило ли рискнуть? Был ли у него выбор?

– Bravo! – воскликнул со своего места Кросс. – Что скажете, Гастингс?

Хью откашлялся и проговорил:

– Изумительно. У вас чудесный голос, мисс Кросс.

Она обернулась и посмотрела на него снизу вверх. Глаза ее сияли восторгом.

– Спасибо, милорд, – поблагодарила Элиза с радостной улыбкой.

Хью улыбнулся ей в ответ, и улыбка его была вполне искренней. Ведь этот ее взгляд... Конечно, она не была красавицей, и даже хорошенькой ее можно было назвать лишь с натяжкой, но ее взгляд... О, она посмотрела на него так, словно распахнула перед ним свое сердце.

Элиза спела еще один романс, и Хью решил, что на сегодня с него довольно. Сославшись на неблизкую дорогу до Лондона, он попрощался, и мисс Кросс еще

раз присела в изящном реверансе и пожелала ему счастливого пути.

– До скорой встречи, милорд, – сказал ему на прощание Кросс и сдержанно поклонился.

К вечеру сильно похолодало, хотя, возможно, пробиравший Хью озноб был вызван совсем другой причиной. Гравий зловеще скрипел у него под ногами, и у пристани Хью оглянулся, посмотрев на покинутый им дом. Выстроенный из белого портлендского камня на высоком берегу Темзы, этот дом, находившийся на западной окраине Гринвича, был воистину великолепен. У причала его ждала яхта – собственность Кросса, – и Хью, удобно устроившись в мягком кресле на носу, мог наслаждаться видами Лондона, постепенно погружавшегося в сумрак. Скоро настанет ночь – время, когда Хью обычно выходил «на охоту» в карточный клуб «Вега».

Если он женится на Элизе, ему больше никогда не придется играть ради заработка.

Скорее всего Кросс говорил правду, утверждая, что Элиза ничего не знала о его планах. И теперь Хью пытался понять, как бы он повел себя, если бы случайно увидел мисс Кросс на балу, не зная о ней ничего. Стал бы он за ней ухаживать в этом случае? Очень маловероятно.

А возникли бы у него по отношению к ней серьезные намерения, если бы он встретил ее на каком-нибудь светском рауте и узнал, что у нее баснословно богатое приданое? Вполне вероятно.

Вот в этом-то и состояла проблема.

Он смирился с тем, что ему придется жениться по расчету. Все его предки женились по расчету за исключением отца, и вверенные им родовые поместья процветали. Только Джошуа, упрямый и своенравный, пошел на поводу у страсти и женился по любви, тем самым едва не пустив по ветру все, что копилось и укреплялось триста лет. И Хью не хотел повторять ошибку отца, хотя... Отец-то женился не на деньгах, верно?

Так была ли хоть одна причина, по которой ему не следовало добиваться руки и сердца именно этой наследницы, наследницы по имени Элизабет Кросс?

Если бы Кросс предложил ему вступить в брак с Элизой на обычных в таких случаях условиях, все было бы куда проще. Среди друзей Хью были такие, кто так и женился. Брак воспринимался обеими сторонами как коммерческая сделка: стороны обговаривали условия, затем за дело брались адвокаты; когда же все спорные вопросы улаживались, наступал заключительный этап с участием священника. Муж и жена должны были выполнять супружеский долг лишь до тех пор, пока не будет произведен на свет наследник, а после этого каждый был волен жить своей собственной жизнью. Может, так же произойдет и в его случае?

Нет, едва ли. Что-то подсказывало ему, что Элизу такой брак не устроит. А обманывать ее ожидания недостойно и даже подло, что бы по этому поводу ни думал отец девушки.

Но, как бы там ни было, это не он, а Кросс затеял нечестную игру. А он выторговал себе приличную компенсацию. Так что же мешает ему поухаживать за дочкой Кросса неделю-другую и посмотреть, как пойдут дела? Ведь если она разглядит в нем обманщика и ответит отказом, деньги на приданое Эдит он все равно получит. Но если каким-то чудом между ними вспыхнет искра, если она влюбится в него и если он, почувствует к ней достаточное расположение, что тогда? Что ж, тогда, пожалуй, стоило рискнуть. Ведь он не раз вступал в игру и с меньшими шансами на выигрыш.

Глава 6

За завтраком Элиза ждала, что отец что-нибудь скажет о графе Гастингсе, – увы, напрасно. Отец, казалось, напрочь забыл о вчерашнем госте. И сейчас он пребывал в отличном настроении, что в последнее время случалось редко.

Элиза бросила Вилли деревянный мячик, и отец, решивший подышать свежим воздухом, с шутливым укором погрозил ей пальцем.

– Этот мяч я специально припрятал для будущего внука, а ты его отдала псу на растерзание.

Вилли вихрем помчался за мячом, с ходу перемахнув через каменный бордюр.

– Знаешь ли, папа, Вилли ведет себя намного приличнее, чем иные маленькие дети, – со смехом отозвалась Элиза. – Может, не стоит искушать судьбу и ограничиться псом? Вилли по крайней мере послушно забирается в свою корзину и сидит тихо, когда ему приказывают.

– Твой Вилли грызет ножки стола!

– Ох, когда это было? Он уже несколько месяцев к ним не притрагивается. – Элиза обошла молчанием тот факт, что Вилли порвал в клочья ее соломенную шляпку, которую она на днях по забывчивости оставила на виду. – Кроме того, этот мяч, как и другие игрушки для Вилли – мои, и потому мне решать, какое найти им применение. – Пес трусцой подбежал к ней с мячом в зубах. – Хороший мальчик, хороший... – потрепав Вилли по голове, похвалила Элиза.

– Твоя мать сложила все твои игрушки в коробку, когда ты выросла и перестала с ними играть. Она велела их не выбрасывать: сказала пригодятся нашим с ней внукам – а теперь этот уродец изгрызет все в щепки, – с улыбкой пробурчал мистер Кросс.

– Тогда тебе придется купить новые игрушки, если, конечно, у тебя, папа, когда-нибудь появятся внуки. – Элиза снова бросила мяч, и Вилли снова за ним погнался. – Ах, папа, как я тебе сочувствую!

Отец встретил ее слова громким басовитым смехом.

– Обещай, что родишь мне внуков, Лилибет! Ведь ты моя единственная надежда. Я хочу парочку крепких мальчишек, чтобы качать их на коленях. И еще – маленькую девочку, чтобы баловать.

– Кто может такое обещать? – со смехом закатывая глаза, отозвалась Элиза. – Будут у меня дети или нет – одному богу известно. А уж сколько их у меня будет и какого пола... – Она еще громче засмеялась.

– Что ни говори, а я на тебя рассчитываю. Обоего пола – по двое-трое. Больше не прошу, – добавил отец, лукаво подмигнув.

Вилли принес мяч хозяйке – и вывалил из пасти розовый язык. По всему было видно, игра доставляла ему огромное удовольствие. Элиза еще раз бросила мяч, постаравшись швырнуть его как можно дальше. Вилли любил побегать, и места в саду хватало с избытком.

– С собаками было бы проще: в этом случае ты мог бы сам решать, сколько щенков ты хочешь, какого пола, какой породы и какого окраса, – заметила Элиза.

– Нам и одного пса вполне достаточно, – с веселой улыбкой ответил отец и, немного помолчав, вдруг спросил: – А что ты думаешь о лорде Гастингсе?

И теперь уже мистер Кросс говорил вполне серьезно и внимательно смотрел на дочь.

Элиза зарделась. Пожав плечами, пробормотала:

– Он очень милый. – Вилли уронил мяч к ее ногам, и Элиза, радуясь возможности спрятать лицо, наклонилась, чтобы его поднять. – Он решил вести с тобой дела, да, папа?

Отец не пригласил бы графа, если бы не хотел заполучить его в качестве делового партнера, – уж в этом-то Элиза не сомневалась.

– Да, думаю, что да... – в задумчивости протянул отец. – Этот парень явно не дурак...

– Значит, он будет работать с тобой, – с улыбкой сказала Элиза. – Умный человек ни за что не упустит возможность поучиться у великого Эдварда Кросса!

Отец не засмеялся в ответ, хотя именно этого ожидала Элиза. Он молча смотрел на игравшего с мячом Вилли, потом тихо проговорил:

– Скоро узнаем, что он решил. Я получу ответ, когда граф снова придет. Если придет.

– Ты пригласил его к нам? – с волнением в голосе спросила Элиза.

Отец крайне редко принимал деловых партнеров у себя дома. Даже с близкими друзьями – такими, как мистер Гринвил, – предпочитал встречаться в Лондоне.

– А если и пригласил? Тебя что, это раздражает?

– С чего бы? – ответила Элиза вопросом на вопрос. – Ах, папа, что-то сегодня жарко, ты не находишь?

– Мне показалось, что ему очень понравилось, как ты поешь, – продолжил щекотливую тему отец.

Заподозрив неладное, Элиза искоса посмотрела на него, но он, казалось, уже забыл, о чем заговорил: теперь с любопытством наблюдал за Вилли – тот решил поохотиться на малиновок, всецело поглощенных поисками червяков. Но стоило Вилли пуститься в погоню, как птицы с возмущенным щебетом взлетели.

– Мне нравятся люди, которые умеют слушать, – зачем-то сказал отец, глядя на птиц, глумливо круживших над захлебывавшимся от лая псом.

«Слава богу», – с облегчением подумала Элиза. А то она уже решила, что отец намекал на то, что ей не мешало бы пофлиртовать с лордом Гастингсом. И все эти разговоры о внуках...

– А какие именно у вас с ним дела? – спросила Элиза.

Если лорд Гастингс вновь появится в их доме, то ей стоило подготовиться, чтобы заговорить с гостем на тему, действительно его интересовавшую, – будь то кораблестроение или финансы.

– Зачем тебе это?.. – нахмурившись, спросил отец. – Не забивай себе голову всякими глупостями. К тому же не факт, что у нас что-нибудь получится. И, кстати, мне пора ехать. Гринвил придумал очередную аферу и рассчитывает

убедить меня...

– Опыт его ничему не учит! – возмутилась Элиза.

– На этот раз он решил разбогатеть на воздухоплавании. Какой-то его знакомый заявил, что знает, как на воздушном шаре перелететь из Нориджа в Амстердам, не свалившись в море. Гринвил убежден, что сможет организовать на регулярной основе воздушное сообщение между Британией и континентом.

– Заметно, что проект тебя воодушевил, папа! – Элиза рассмеялась. – Мистер Гринвил необычайно умен. И чем безумнее его идеи, тем больше они тебя увлекают.

– Чертов шарлатан... – буркнул Кросс с явной симпатией к давнему приятелю. – К ужину буду дома.

– Сегодня я встречаюсь с Софи и Джорджианой, – напомнила отцу Элиза.

– Вот и отлично. Передай им обеим от меня привет. – Поцеловав дочь в щеку, мистер Кросс ушел в дом.

Проводив его взглядом, Элиза вздохнула. Она знала, что к ужину отец не придет и вернется домой только под утро. Но она не очень-то из-за этого переживала – привыкла. Хорошо, что отец не видел ее лица, когда ей показалось, что он намекал на некие чувства к ней лорда Гастингса. Впрочем, предположить такое мог только безумец, а ее отец, хоть и любил ее безумно, сумасшедшим не был.

Несколько дней Хью старался не думать о предложении Кросса, но тут, как назло, случилось то, чего он больше всего боялся. Реджинальд Бенвик, старший сын и наследник лорда Ливингстона, нанес ему визит и попросил руки Эдит.

Едва дворецкий объявил о приходе Бенвика, Хью стал лихорадочно искать выход из тупика. После того катастрофического проигрыша ему удалось отыграть немного денег, но нужной суммы на приданое Эдит у него все равно не было. От силы он мог дать за ней пять тысяч, но в этом случае им всем пришлось бы жить впроголодь.

– Милорд, я проникся самыми глубокими чувствами к вашей сестре, – проговорил Бенвик. – Она – образец добродетели, и для меня она самая красивая леди на свете. Милорд, я хочу...

– Вы уже с ней говорили? – перебил Хью. Может, у Эдит хватит благоразумия помучить парня еще несколько дней, не говоря ему ни «да», ни «нет».

Но, увы, Бенвик кивнул, сияя от счастья.

– Да, конечно. И она ответила мне согласием. Я прошу вашего благословения.

Хью улыбнулся.

– Если она дала вам согласие, то как я могу не дать благословения? Живите в согласии долго и счастливо.

– Спасибо, милорд! – Бенвик едва ли не плясал от радости. – Милорд, могу я увидеть мою невесту прямо сейчас? Она, наверное, ужасно волнуется.

– Волнуется? – скептически приподняв бровь, переспросил Хью. – А может, захочет вас подольше потомить? Проверить, так сказать, ваши чувства на прочность. Впрочем, не знаю... Для меня это, знаете ли, внове.

– Как и для меня! – с широкой улыбкой воскликнул Бенвик. – И вы не представляете, какое я сейчас испытываю облегчение. Мой отец говорит, что его поверенные свяжутся с вашими поверенными, когда вам будет удобно. Ну... для составления брачного контракта.

– К чему такая спешка? – с улыбкой произнес граф. – Для юридических формальностей времени более чем достаточно. Зная свою мать и сестру, могу вас заверить: для того чтобы Эдит в конце года могла переехать к вам, ей нужно основательно подготовиться. И подготовку надо начать завтра же – иначе не успеть.

– В конце года?.. – с разочарованием в голосе переспросил Бенвик. – Я надеялся заключить брак гораздо раньше.

Хью весело рассмеялся, хотя на душе у него кошки скребли: было очевидно, что отложить свадьбу хотя бы месяца на четыре скорее всего не удастся.

– Я бы никогда не стал вмешиваться в отношения между женщиной и ее портнихой, но если вы, юноша, так уверены в себе – действуйте. – Хью снова рассмеялся. – Сможете их поторопить – не придется откладывать свадьбу. Скажу вам больше. Мне сдается, Эдит будет на вашей стороне.

Бенвик с облегчением выдохнул – и тоже рассмеялся.

– Милорд, я очень на это рассчитываю! Даже месяц покажется мне вечностью. Так я пойду к Эдит? К моей Эдит... – с подкупающей нежностью добавил Бенвик. – Спасибо вам, милорд.

Молодой человек откланялся и чуть ли не побежал к лестнице, а граф тяжело вздохнул и повесил голову. Времени у него не оставалось, а сказать сестре, что у нее нет приданого, у Хью язык не поворачивался.

Оставалось последнее средство. Хью вспомнились слова Эдварда Кросса:

«А приданое Элизабет – пятьдесят тысяч фунтов... Более того, после моей смерти все мое состояние достанется ей...»

Он вздрогнул от неожиданного стука в дверь. В кабинет зашла радостно улыбавшаяся мать.

– Я видела, как от тебя вышел юный мистер Бенвик, и он... – Графиня осеклась, улыбка сползла с ее лица и она пробормотала: – Дорогой, что случилось?

Хью снова вздохнул и сделал еще более несчастное лицо. Если он скажет матери правду, она будет безутешна и не сможет не поделиться своим горем с его сестрами. Хью лгал ей уже полтора года, и точка невозврата была давно пройдена.

– Мама, он заберет ее у нас... Кто же теперь будет высмеивать мои жилеты?..

– Генриетта может попробовать, если ты ей позволишь.

– Нет-нет. – Хью решительно покачал головой. – Теперь уж ничего не поделать. Страдать так страдать. Отныне и впредь я буду мучиться и терзаться, не зная, к лицу ли мне синий шелк, расшитый красными слонами. Более того...

– Эдит сказала, что хочет обвенчаться как можно скорее, – перебила мать. – Кроме того, в новом доме ей будут нужны новые вещи.

Хью вспомнил о тех деньгах, которые сестра уже успела потратить на новые наряды. И вот опять... О господи!

– Вещи?.. – переспросил Хью, сделав вид, что не понимает, о чем речь. – Да-да, конечно! Мы соберем для нее целый сундук. Пусть возьмет свою подушку и щетку для волос. Можно даже отдать ей тот стул в гостиной, на котором она так любит сидеть...

– Хью, перестань! – с упреком в голосе воскликнула графиня.

– Я шучу, разумеется, – сказал Хью, подошел к матери и добавил: – Надеюсь, она испытывает к нему настоящие чувства.

Мать энергично закивала.

– Да-да, она его любит, поверь! Ах как был бы рад твой отец! Он часто говорил, что хотел бы отдать ее за человека, который любил бы Эдит так же сильно, как твой папа любил меня. – Голос матери сорвался, и Хью тотчас протянул ей носовой платок, но она отстранила его взмахом руки. – Он был бы очень доволен, – уже обычным голосом продолжила графиня. – Эдит – будущая виконтесса! Ты не мог бы уладить формальности поскорее?

Хью тянул время, аккуратно складывая платок и наконец уклончиво ответил:

– Сначала посмотрим, насколько жадным окажется Ливингстон, – ответил он уклончиво.

– Ты должен проявить щедрость! – воскликнула мать. – Твоя сестра заслуживает счастья.

Хью улыбнулся – в разговорах с матерью притворство ему давалось легко.

– Конечно, заслуживает! Я в этом несколько не сомневаюсь, мама.

Он стоял на перепутье целую неделю, ожидая чуда, надеясь, что случится нечто такое, что избавило бы его от необходимости выбирать между Сциллой и Харибдой. Он мог бы сказать матери и сестрам правду, лишив их иллюзий относительно Джошуа, а Ливингстона-старшего мог бы поставить перед фактом: Эдит – бесприданница.

Но он мог выбрать и другой вариант – принять предложение Кросса. На первый взгляд этот выбор казался весьма разумным, но сделка с Кроссом означала для Хью пожизненную зависимость от человека, способного на любую подлость. Возможно, ему тогда придется всю оставшуюся жизнь раскаиваться в своем выборе. Впрочем, в глубине души Хью с самого начала чувствовал, что все к этому идет, поэтому был готов к самому худшему. Хотя, если подумать... Ведь Элизу Кросс никак нельзя назвать самым худшим, что могло бы с ним произойти. Хью вспоминал ее робкую улыбку и нежный румянец щек, когда она говорила о своем псе. Вспомнил и благодарность в ее взгляде, когда он переворачивал страницы нотной тетради. Было ясно, что Элиза Кросс не плела интриги, не пыталась им манипулировать. Она – милая, добрая и честная девушка и у нее есть деньги, в которых он отчаянно нуждается.

Собравшись с духом, граф заявил:

– Возможно, Эдит не единственная в нашей семье, кому вскоре предстоит стоять перед алтарем.

– Но Генриетта еще даже не... – Мать умолкла, и глаза ее округлились. – Но ты ведь не хочешь сказать, что...

– Я еще не делал ей предложение, – с улыбкой пояснил Хью. – Но встретил юную леди – ту самую, как говорится. Я ничего тебе не говорил, хотя надо было бы...

– Кто она?

– Нет-нет. Я ничего не скажу тебе до тех пор, пока не буду точно знать, что она испытывает ко мне ответные чувства.

Хью просто-напросто не знал, хотел ли, чтобы мисс Кросс вспылала к нему нежными чувствами. Но если она не примет его ухаживания, деньги-то на приданое Эдит он все равно получит. А ухаживать за ней будет в любом случае. Это уже решено.

Разве у него был выбор?

Глава 7

Наконец-то расправившись с последним сорняком, Элиза выпрямилась и смахнула пот со лба. И только сейчас заметила подходившего к ней дворецкого.

– В чем дело, Роберт?

– Лорд Гастингс пришел с визитом, мисс, – сообщил дворецкий и перехватив полный отчаяния взгляд хозяйки, пустился в объяснения: – Я сообщил ему, что мистера Кросса нет дома, и тогда лорд Гастингс спросил, дома ли вы. Что ему сказать?

Элиза вздохнула и окинула взглядом свой наряд. На ней опять было старое платье, изрядно помявшееся и испачканное землей. А стянутые в тугой узел волосы она спрятала под соломенную шляпу – тоже ужасно старую. Ах, лорд Гастингс словно специально выбирал для своих визитов самое неудачное время...

Дворецкий молча ждал указаний, и Элиза, подумав о том, что отец, судя по всему, много ждал от их совместного с графом дела, велела Роберту проводить графа в гостиную и передать, что она скоро подойдет.

– Предложите ему что-нибудь выпить и распорядитесь насчет чая. Да, и пусть к чаю подадут угощение посытнее. Лорд Гастингс приехал издалека и наверняка успел проголодаться. – Снимая садовые перчатки и шляпу, Элиза добавила: – И

уведите Вилли на задний двор.

Девушка покосилась на пса, недавно спавшего под скамейкой возле фонтана. Как она и опасалась, Вилли уже проснулся и бросился к ней, едва она направилась к дому.

За пятнадцать минут Элиза успела вымыть лицо и руки, переодеться, переобуться и причесаться. Нет, не совсем так... Причесывала ее горничная. Даже не причесывала – хоть что-то сделала с ее волосами.

Элиза быстро спустилась вниз и перешла на шаг только возле самой гостиной. Впрочем, это не помогло – сердце ее по-прежнему бешено колотилось. Но Элиза сказала себе, что это от бега, а не от предвкушения встречи с графом. Когда же она вошла в гостиную и увидела красавца лорда Гастингса – тот при ее появлении поспешил встать, – сердце ее заколотилось еще быстрее, и даже казалось, что оно вот-вот выскочит из груди.

– Простите, милорд, что заставила вас ждать, – задыхаясь, проговорила девушка и сделала реверанс. – Моего отца нет дома, а я не ждала гостей...

Граф улыбнулся. Сегодня его вьющиеся от природы темные волосы не были напояжены и зачесаны назад, а падали свободно, в живописном беспорядке. От него было глаз не оторвать, а ямочка на щеке сражала наповал.

– Это я должен просить прощения, мисс Кросс, за то, что не уведомил о своем визите заранее. Спасибо, что согласились меня принять.

– Ах, глупости... – пробормотала Элиза и едва не разразилась дурацким нервным смешком, но вовремя сдержалась. – Здесь, в Гринвиче, жизнь течет так размеренно и тихо, что впору заскучать без гостей. Гости вносят разнообразие в нашу жизнь, и мы им всегда рады.

Едва Элиза закончила свою речь, дворецкий принес чайный поднос, и девушка вздохнула с облегчением – к счастью, для нее нашлось дело. Пока она разливала чай, говорить было необязательно. Лорд Гастингс попросил плеснуть ему в чашку совсем чуть-чуть молока, а сахару добавил всего один маленький кусочек. Элиза увидела в этом счастливый знак – она любила чай с молоком и сахаром в точно таких же пропорциях. Хотя... При чем тут счастливые знаки? Просто

совпадение, которое ни о чем не говорит.

– Вам нравится Гринвич? – с вежливой улыбкой осведомился граф.

– Гринвич? – Элиза распахнула глаза. – Да, конечно!.. – И тут же прикусила губу, вспомнив, что только что пожаловалась на то, что в Гринвиче слишком скучно. – Видите ли, здесь очень тихо. Гораздо тише, чем в Лондоне. Моя подруга Джорджиана живет на Кавендиш-сквер, и она говорит, что там шумно в любое время суток.

– Так и есть, – с едва заметной улыбкой согласился гость. – Не приходится ли ваша подруга сестрой графу Уэйкфилду?

– Да, – кивнула Элиза, с запозданием вспомнив, что ей следовало называть свою подругу «леди Джорджиана». – Вы с ней знакомы?

– Нет, но я о ней слышал. Мои сестры считают, что она одна из самых элегантных леди в Лондоне. И они не раз приходили домой с прогулки по парку, восторженно обсуждая очередной наряд леди Джорджианы.

Элиза рассмеялась.

– Могу себе представить! У леди Джорджианы необычайно изысканный вкус.

И вновь в уголках его глаз собрались лучики смеха. Он смеялся одними глазами, и это почему-то завораживало.

– Должен заметить, что это относится и к вам, мисс Кросс. Ведь вы приложили руку к декору вашего дома, верно?

На сей раз она залилась краской не от смущения, а от удовольствия. Элиза и сама считала, что создание красивого интерьера – то небольшое, в чем она действительно преуспела. Отец предоставил ей полную свободу действий во всем, что касалось обстановки дома, приказав не трогать лишь его кабинет, и Элиза в итоге получила все, что хотела. Дом стал воплощением ее представлений о красоте и уюте. А любимой комнатой была гостиная, выдержанная в нежных оттенках желтого, с драпировками из шелка цвета

слоновой кости, с обитыми полосатым дамасским шелком кушетками, с хрустальными канделябрами и фигурками из хрусталя на каминной полке. Высокие окна выходили на лужайку, плавно спускавшуюся к самой реке, и в погожие дни вся комната сияла, словно изнутри освещенная солнцем.

– Да, декором дома занималась я, – проговорила Элиза, пытаясь как-то унять переполнявший ее восторг, грозивший выплеснуться наружу словно шампанское из бутылки. – Возьмись за это дело отец, он бы все стены обил дубовыми панелями и везде, где только можно, повесил бархатные портьеры. – Элиза поморщилась. – По-мужски основательно, но очень мрачно.

– Он мудро поступил, что поручил это вам, – заметил граф.

– Спасибо, милорд. – Элиза чувствовала, что вся горит – словно у нее был сильный жар. Именно так подействовала на нее похвала графа. Опустив глаза, она поднесла к губам чашку с чаем, сделав глоток, спросила: – У вас обе сестры на выданье?

– Нет, Генриетта выйдет в свет только в следующем сезоне, но наша мать позволила ей посещать некоторые светские мероприятия. Она говорит, что несправедливо, когда одна сестра проводит все вечера на балах и званых ужинах, а другая сидит дома. Но должен заметить, – с грустной улыбкой добавил Хью, – что Генриетта ждет своего дебюта с огромным нетерпением.

Элиза задумчиво улыбнулась.

– Ваша мама, наверное, очень мудрая женщина. Вашим сестрам повезло, что у них такая мать.

– Да, нам всем повезло, – отозвался граф. – Мать нас очень любит.

Элиза почувствовала зависть, но сумела задушить ее в зародыше. Тихонько вздохнув, проговорила:

– А вот у меня нет сестер, и, увы, никогда не было, хотя мне бы очень хотелось иметь сестру.

Как ни странно, но лорд Гастингс тоже вздохнул и произнес:

– Я не могу сказать, что жалею о том, что у меня есть сестры, но порой они бывают несносными. Вполне допускаю, что и они не слишком рады что у них есть брат.

– Нет, я убеждена, что они рады! – невольно воскликнула девушка и густо покраснела, а граф тихо засмеялся.

Элиза в страхе ждала своего выхода в свет и лишь по настоянию отца согласилась на участие в этой ярмарке невест. Но с нее хватило одного сезона. Отец снял дом в самом центре столицы, нанял ей компаньонку – самую достойную – и всеми правдами и неправдами добился того, чтобы Элиза оказалась в числе приглашенных на целый ряд светских мероприятий (в том числе и на балы, разумеется). И только потом Элиза узнала, что компаньонка согласилась исполнять свои обязанности за немислимые деньги, а приглашали девушку только в те дома, хозяева которых были чем-то обязаны ее отцу. Когда сезон закончился, Элиза испытала лишь облегчение.

Разумеется, леди Генриетта не столкнется ни с чем подобным – этим и объяснялось ее горячее желание принять участие в том, что, по мнению Элизабет, было лишь жалким фарсом. Хотя кто знает?.. Будь с ней рядом сестра, она, возможно, воспринимала бы все иначе, в более радужных тонах.

– Надеюсь, леди Генриетта получит истинное удовольствие от сезона, – сказала Элиза.

– Уверен, что так и будет. Вы тоже получили удовольствие от сезона?

Элиза раскрыла рот, – но ничего путного на ум не шло. Боже, как выразить то, что она думала, и при этом не выглядеть человеконенавистницей или жалкой неудачницей, на которую ни один кавалер не взглянет?

– Мне нравится театр, – осторожно ответила она, – а балы не очень. – Взмахнув рукой, она с ироничной усмешкой добавила: – В свое время меня так утомили балы и праздники, что сейчас я предпочитаю проводить время в узком кругу самых близких друзей.

– Лучшей компании, чем близкие друзья, не существует в природе, – с улыбкой согласился Хью.

– Я также люблю тихие домашние вечера, – продолжила Элиза. – Люблю читать, а также играть на фортепиано – особенно, когда папа дома, – но он часто приходит очень поздно, когда я уже сплю. Когда же он вечером дома, у меня всегда праздник.

– Э... да, конечно, – кивнул граф.

Элиза же крутила в пальцах чашку. Безопасные темы для разговоров закончились. О чем теперь заговорить?

– А вы уже окончательно решили, что будете вести дела с отцом? – спросила она, не придумав ничего лучшего.

Брови графа поползли вверх, и он замер с чашкой у рта.

– Простите... что вы сказали? – Спросил он наконец.

Элиза готова была сквозь землю провалиться. Пытаясь разрядить ситуацию, она с улыбкой пояснила:

– Папа сказал, что во время ужина вы с ним еще не решили все окончательно, и я подумала... Простите, это не мое дело, и я не должна была...

– Нет-нет, я прекрасно вас понимаю, – перебил граф, вонзившись в нее взглядом. – Я понимаю ваш интерес, мисс Кросс.

Руки Элизы дрожали, и она, поставив чашку на стол, переплела пальцы.

– Я просто хотела заверить вас, милорд, что папа совсем не такой жесткий, как иногда кажется, но очень хочет быть первым во всем и любит побеждать. Для коммерции это полезное качество, и его компаньоны, как правило, остаются довольны сотрудничеством.

Меж бровей графа появилась тонкая складка. Тоже поставив чашку на стол и отодвинув блюдо с сэндвичами, он спросил:

– Ваш отец говорит с вами обо всех своих делах?

Увы, слишком поздно Элизабет вспомнила о том, что миссис Берни, ее компаньонка на один сезон, безуспешно пыталась ей втолковать. Аристократы считали вульгарным говорить о деньгах, и все связанные с деньгами темы являлись для них запретными. К тому же она, была женщиной, а мнение женщин по денежным вопросам никого не интересовало. И сейчас ей казалось, что лицо у нее вот-вот вспыхнет в прямом, а не в переносном смысле.

– Нет, милорд, – пробормотала она, – я... мне только хотелось знать...

– Хотелось знать? – Граф откинулся на спинку стула, глядя на нее как-то очень странно. – Должен признаться, мне трудно было на это решиться. Ваш отец – человек требовательный во всех отношениях.

– Нет-нет, он... Вообще-то отец довольно жесткий в коммерческих делах, но он очень добрый и любящий родитель.

Граф с горечью усмехнулся уголком рта и произнес:

– Я не знаком со второй его стороной.

– В том-то и дело! – Элиза от волнения подалась вперед, чуть не свалившись со стула. Ей надо было во что бы то ни стало исправить свою чудовищную ошибку с выбором темы. – Он очень щедр к тем, кто в чем-либо нуждается. Мои школьные подруги всегда здесь желанные гости, и он любит их почти так же, как если бы они были его дочерьми. И это очень кстати, потому что Софи – сирота, а Джорджиана – почти сирота. Он сделает все возможное – только бы с ними не случилось ничего плохого.

– И он сделает все, что угодно, для вас.

– Да, конечно. Он очень любящий отец...

Элиза умолкла, в растерянности глядя на графа, глаза которого сделались непроницаемыми. Лицо же его стало походить на маску. «Что же происходит?» – в растерянности думала девушка.

– Для меня отец – самый добрый на свете человек, – с дрожащей улыбкой продолжила она. – Но, наверное, почти каждая дочь скажет то же самое о своем отце.

И тут лорд Гастингс расслабился и, пожав плечами, проговорил:

– Каждая леди заслуживает отца, который готов ради нее на все, так что вам, мисс Кросс, не на что жаловаться.

Элиза просияла.

– Да-да, именно так!

– Скажите, а то предложение, которое он мне сделал... – Лорд Гастингс на мгновение умолк и пристально на нее посмотрел. – Он не объяснил вам, в чем оно состояло?

– Нет, я не имею о нем ни малейшего представления, – ни секунды не раздумывая, ответила Элиза. – Но иногда он мне кое-что рассказывает. Особенно в тех случаях, когда речь идет о каком-то необычном проекте, который может показаться сумасбродным или даже совершенно безумным. Один из его друзей задумал путешествие на воздушном шаре в Амстердам. Папа смеется над этим своим другом. Но вообще-то он считает, что его коммерческие дела не представляют для меня интереса, поэтому и не рассказывает мне о них. Он говорит, что мне будет скучно, и я усну, не дослушав. И действительно, что занятого в акциях на зерно... или еще на что-нибудь?

– Да, все верно, – кивнул лорд Гастингс. Выдержав паузу в несколько секунд, он пристально вглядывался в лицо девушки.

– Что ж, мисс Кросс, я думаю, не будет большого вреда, если сказать вам, что я решил заняться коммерцией с вашим отцом. И даже если он не обсуждает с вами важные дела, все равно вы довольно скоро сами все поймете. Более того,

возможно, мы с вами теперь будем видеться довольно часто. – Граф улыбнулся, но улыбка вышла какая-то неестественная. – Ну вот... Я сказал вам все, что мог, – добавил он, пожав плечами.

Элиза в смущении зарделась. Она понимала, что не знает, как вести светскую беседу, и ей было ужасно стыдно за свою неосведомленность.

– Вот и прекрасно, – сказала она. – Папа будет рад.

Тут начали бить часы на стене, и Элиза вздрогнула от неожиданности.

– Может, вы хотите оставить отцу записку? – спросила она. – Или передать ему что-то на словах? Он вернется скорее всего поздно, после ужина.

– Я буду вам очень признателен, если вы передадите ему, что я принимаю его предложение, – ответил граф, опустив глаза. Допив чай, с улыбкой проговорил: – Спасибо за гостеприимство, мисс Кросс. Мне пора обратно в Лондон.

Элиза радостно улыбнулась. Слава богу, этот визит закончился.

– Я непременно все ему передам, милорд, – сказала она и встала. – И еще раз примите мои извинения за то, что вы не смогли увидеться с моим отцом.

– Нет-нет, никаких извинений. – Граф тоже поднялся – и вдруг широко улыбнулся, едва не ослепив Элизу своей чудесной улыбкой. – С вами очень приятно общаться, и я получил огромное удовольствие. Так что сожалеть о том, что мне не удалось застать вашего отца, я просто не в силах.

Лестные слова, сказанные лишь из вежливости... И все же Элизе казалось, что слова эти воспламенили ее душу. Ох, как же иссохла ее душа, если такой малой искры хватило, чтобы разгорелось пламя. Провожая гостя до двери, Элиза даже нашла слова, чтобы вежливо с ним попрощаться. Стоя на пороге, она смотрела, как он лихо запрыгнул в седло красивого коня. Граф попрощался с ней, прикоснувшись пальцами к полям шляпы. Элиза долго смотрела ему вслед, пока он не пропал из виду, потом, улыбнувшись, вернулась в дом.

«Мы с вами теперь будем видеться довольно часто», – Эти слова графа вновь и вновь звучали у нее в ушах. Но лорд Гастингс, конечно же, не собирался ухаживать за ней. Зачем ему, такому обаятельному утонченному аристократу – притом красивому как бог, – такая, как она? Но слова эти были им сказаны, и они были адресованы именно ей. Пожалуй, этого вполне достаточно, чтобы почувствовать себя счастливой.

Глава 8

Хью должен был продумать план дальнейших действий. Мисс Кросс, судя по тому, что он услышал, в обществе бывала мало, и это, с одной стороны, хорошо, с другой – очень даже плохо. Было ясно, что немедленной реакции света на появление у него пассии опасаться не следовало, и это означало, что какое-то время можно было обходиться без всевозможных слухов и сплетен. Но, с другой стороны, ухаживать за девушкой, почти нигде не бывающей, – дело весьма затруднительное. При ином раскладе он бы старался посещать те места, куда приглашали ее, и, встретившись с ней будто бы случайно, оказывал бы ей знаки внимания. Но, увы, мисс Кросс такой возможности ему не предоставила. Так что оставалось одно – навещать ее в Гринвиче. Однако его частые отъезды непременно породят вопросы, и придется каждый раз что-нибудь придумывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/linden_kerolayn/nevesta-dlya-grafa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)